

Лидия Будрик

Таисия, или Кукла московская

16+

Лидия Будрик

Таисия, или Кукла московская

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Будрик Л. П.

Таисия, или Кукла московская / Л. П. Будрик — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Олигархи - это словно алмазы с неба, они один раз в руки падают. Но нужны ли такие алмазы, если к ним нет никаких чувств?

Глава 1. Грусть

Зазвонил телефон. Таисия протянула руку, взяла сотовый и увидела, что звонит Саша. Она отложила мобильник на тумбочку, медленно встала с дивана и пошла по комнате.

Тихонько ступая, девушка подошла к окну, отодвинула тюль в сторону и стала смотреть во двор. Перед глазами стояла мама. Тася помнила и знала, что мама очень любила весну. Она всегда говорила, что весна особенное время года, когда люди как бы просыпаются и начинают смотреть на мир другими глазами. Все разом хорошеют, худеют, становятся такими красивыми, нарядными и, конечно же, начинают влюбляться. Все спешат в магазины за обновками, хотят хорошо выглядеть, и у всех поднимается настроение. А кругом так хорошо, словно в мире происходит что-то особенное, незримое и непонятное. Но это просто наступила весна.

Снова зазвонил телефон. Она смахнула набежавшую слезу и, не обращая внимания на дребезжание дорогого айфона, медленно побрела на кухню.

Худенькая, стройная, невысокого роста, словно девчонка подросток, с большими впалыми от горя и слез зелеными глазами, она медленно подошла и взяла чайник, а сама уверенно шагнула к крану и стала наливать в него воду.

В очередной раз заиграла мелодия на ее мобильнике, наполняя квартиру приятной музыкой.

Тая понимала, что если прямо сейчас не взять трубку, то Саша скоро сам примчится сюда и станет ее упрекать за то, что она молчит, не желая ему отвечать. А он волнуется за нее, переживает и скучает.

Она поставила чайник на плиту, а сама подошла к тумбочке, взяла сотовый и нехотя ответила:

– Я слушаю.

– Тася милая, я уже не знал, что и думать! – заговорил взволнованно Борзунов. – У тебя все нормально?

– Да.

– Лапушка моя, хочешь, я к тебе приеду, и мы вместе погуляем? Выйдем с тобой и подышим свежим воздухом. Ты только посмотри, какая прекрасная погода! Это просто чудо! Солнце, воздух, красота! А кругом все цветет и благоухает.

– Нет, – тихо отказалась Новгородцева и присела на край дивана.

– Ну, голубушка, надо как-то подумать и о себе. Что ты собираешься сейчас делать?

– Пить кофе, – грустно поведала она.

– Это уже очень хорошо! – подбадривал её мужчина. – И давай-ка, собирайся выходить на работу. Пора тебе возвращаться к жизни.

– Саш, спасибо тебе за все... – стала благодарить она, и ее голос дрогнул.

– Малыш, я все для тебя сделаю! Ты только позови.

– Ты один у меня и остался, больше мне звать некого.

– Держись, – утешал ее Борзунов, – прорвемся.

– До вечера, – попрощалась Тая и отключила мобильник.

А сама вновь побрела на кухню, достала с полки любимую мамину чашку, прижала ее к груди, и слезы вновь потекли по ее щекам.

Прошло две недели, как нет ее мамы, а она словно вместе с ней умерла. И тут на ум пришла мысль: «А почему на похороны не приехала мамина сестра? Телеграмма была отбита, ее ждали, но тетя Маша так и не появилась на погребении любимой сестренки». А учитывая, что мобильником она никогда не пользовалась, то и дозвониться да нее не было никакой возможности. Для пущей убедительности Тася лично отправила в Никулино телеграмму, желая, чтобы тетка разделила с ней это безутешное горе.

Они жили дружно, писали друг другу письма, но последнее время, пока она училась в институте, мама навещала тетю одна. А та скучала по своей единственной племяннице и все выговаривала сестре:

– Ну, что же ты не уговорила ее приехать? Смотри, какая у нас красота, воздух! Ну, что она там в той Москве делать будет все лето?

– У нее экзамены, подружки, – оправдывалась перед ней Любовь Михайловна, – они на море собрались поехать.

– Море! – с досадой махнет рукой женщина. – Что там на этом море делать? Вон у нас речка какая, купайся, загорай, не хочу! А там одна зараза! Сколько там в этом море народу купается, и все со своими болячками.

Люба вздохнет негромко и загрустит по своей единственной дочке, а на лице отразится тоска и переживания за любимое чадо, по которой тоже успела соскучиться.

Тая стала вспоминать, сколько она не была в деревне? Прокрутив в голове все сроки назад, поняла, что последний раз она навещалась туда, когда закончила десятый класс. А уж после выпускного она в Никулино ни разу не приезжала. Там начались экзамены. Потом готовилась и поступала в университет. А следующий год ездила с подружками на море. Затем усиленно изучала английский и потратила на него все лето. Второй год взялась изучать французский и закрутило все, полетело... А потом появился молодой человек по имени Паша, и разве уедешь от него куда-либо, даже к любимой тетке. «Как она там? Что с ней? Вдруг болеет или слаба здоровьем»? И тут её осенило, что надо немедленно ехать к ней. Все узнать, поплакаться в жилетку единственной родственнице, ведь кроме тети Маши у неё теперь никого не осталось.

Тася выключила чайник, заварила себе кофе, а в душе понимала, что, на данный момент, это единственное правильное решение. Она приедет в Никулино, они вместе поплачут, и им станет легче. Потом погостит там немного, отдохнет, наберется сил и вернется в Москву. А работа никуда не денется. Можно взять отпуск, тем более, что сейчас май, а по графику отпуск у нее в июне. Но девушка была уверена, что на работе ее поймут и отпустят беспрекословно.

Работала Тая в коммерческом банке экономистом. Должность хорошая и завидная – высокая зарплата, престижная профессия, уважение сотрудников и клиентов. Конечно, не обошлось без помощи Александра Викторовича. Молодой девушке, да еще и после университета, очень трудно устроиться куда-либо без знакомства. Везде спрашивают опыт работы, а где его набраться, когда ты только что закончила учиться.

На тот момент Борзунову исполнилось тридцать шесть, и мужчина уверенно стоял на ногах. Он был умен, силен, обаятелен и тактичен. Работал заместителем директора крупного банка. Своя квартира в центре Москвы, да еще от тетки досталось приличное наследство, что приумножило его накопленное богатство. Имел несколько дорогих машин, загородный особняк и, как говорится, был упакован и укомплектован по полной программе. Отбоя от дамского пола у банкира никогда не было. Девушки, одна красивее другой, не раз хотели окрутить такого завидного жениха, но все безуспешно. Сердце мужчины принадлежало одной единственной и неповторимой, самой красивой, самой умной и самой любимой девчонке на свете – Таисии.

Когда впервые Саша увидел еще совсем юную Тасю, а ей тогда исполнилось только четырнадцать, он с первого взгляда понял, что это она, та, которую он ждал все это время. Но умом понимал, что даже ухаживать за такой молоденькой особой, он не имел никакого права. И тогда он подружился с ее отцом.

В то время Александр Николаевич занимал пост заместителя директора на крупном заводе. Семья жила в полном достатке: любимая жена, дочка отличница, да еще и умница, да еще и красавица. Они идеально гармонировали друг с другом, безупречная пара, послушный ребенок, хорошая работа. Казалось, что еще надо для счастья, в то не совсем спокойное время?

В те трудные девяностые годы перестройки Борзунов искал работу. Было большое желание устроиться по специальности, но все как-то не удавалось. Образовывались коммерческие

структуры, все это было заманчиво и ново, но зарабатывать «нечистые деньги» он не хотел, а тем более работать на бандитов. Появлялись так называемые «крыши». Вновь образовавшиеся предприятия или организации трясли рэкетеры. А в прессе все чаще стали публиковать сообщения о расправах над такими горе-руководителями и их семьями.

Но молодой человек не отчаивался и был уверен, что рано или поздно, но работу он все равно найдет. И однажды, в поисках нужной ему должности, Сашу занесло на тот завод, где работал Александр Николаевич.

Они случайно столкнулись в отделе кадров, и Новгородцев сразу обратил внимание на молодого специалиста. Ему понравился его тон, его манера общения, его вежливые и обходительные слова, адресованные девушкам, которые работали тут же.

Заметив заместителя директора, одна из сотрудниц сказала:

– Александр Николаевич, вот молодой человек хочет устроиться к нам на работу.

– Какая специальность? – строго спросил мужчина, окидывая его суровым взглядом.

– Юрист, – уверенно отозвался Борзунов.

– Юристы нам не нужны, – сказал он, как отрезал, – лодырей у нас своих хватает.

– Юристы разные бывают, – попытался возразить Саша.

– Да-а-а! – с любопытством протянул Новгородцев, деловито взглянув на парня. – Опыт работы?

– Восемь лет.

– А с предыдущей работы сам ушел или попросили? – с иронией в голосе поинтересовался он.

– Попросили, – смело заявил Борзунов.

Вот эта уверенность и понравилась Александру Николаевичу. Он еще раз смерил молодого человека взглядом, а потом пригласил:

– Иди за мной.

Они вышли из отдела кадров и пошли по длинному узкому коридору. Новгородцев с шумом распахнул дверь, первым вошел в кабинет и на ходу бросил:

– Закрой покрепче.

А сам прошел к столу и устало плюхнулся в кресло.

Саша прикрыл дверь, как было велено, и поспешил к начальству.

Тот указал глазами на стул и приглушенно спросил:

– За что попросили с предыдущей работы?

– Не хочу работать на бандитов, – честно признался он, усаживаясь на предложенный ему стул.

– Со всеми юридическими операциями знаком?

– Да, – уверенно смотрел на него парень.

– Где живешь?

– На Пушкинской.

– Женат?

– Нет пока.

– Судим?

– Бог миловал, – ответил Александр и сплюнул три раза через левое плечо.

– Я хочу предложить тебе работу, но не здесь, – вновь заговорил Новгородцев, а сам внимательно следил за молодым человеком, за его глазами.

Борзунов молчал. Как опытный юрист он понимал, что спешить тут нельзя. Потом немного помедлил и ответил:

– Я готов рассмотреть ваше предложение.

– Один мой хороший знакомый открыл свой бизнес. Все шло хорошо, но сейчас у него с документами что-то неладное. Он думает, что его подставили. Даже не думает, а уверен.

Провернули дело так, что он остался гол как сокол. А он вложил в это дело все, что у него было. Поможешь, он тебя хорошо отблагодарит, и тогда работа у тебя будет по специальности. Никогда не пожалеешь.

– Что-то связанное с криминалом?

– Боже упаси! – замахал руками мужчина. – Родная сестра решила прибрать к рукам то, к чему не имеет никакого отношения и никакого права. Все деньги ушли через подставные фирмы. Где деньги никто не знает. Ну, она-то знает, конечно! – усмехнулся он. – Но денег у друга нет, нанимать адвокатов не на что. Но за работу тебе заплачу я. А с ним мы как-нибудь потом рассчитаемся.

– И он уверен, что это она?

– А на что она дом на море собралась покупать? – возмутился Александр Николаевич. – Главное – это ей ткнуть, где она прокололась.

– Я должен посмотреть документы и подумать

– Думай, – согласился тот и потянулся за авторучкой, – но недолго.

А сам взял лист бумаги и размашистым почерком написал два номера. Потом протянул ему и пояснил:

– Это его, а это мой. А с документами тебя ознакомит сам потерпевший.

Саша взял листок, аккуратно сложил его и убрал в портмоне. Затем встал, распрощался с ним и вышел в коридор.

Так началось его знакомство с этой удивительной семьей. В дальнейшем он смог помочь тому бизнесмену, и его сестра была вынуждена, под предлогом отправки ее в тюрьму на длительный срок, вернуть брату большую сумму денег и его бизнес.

Награда не заставила себя ждать, и Борзунов получил большое денежное вознаграждение и хорошую работу. И тогда он пошел к Александру Николаевичу, чтобы лично его поблагодарить. А тот, в свою очередь, пригласил парня к себе домой. Вот так и познакомились они с Таисией. В то время ей было всего четырнадцать, она была юна, мила и очаровательна.

Но вскоре Александр Николаевич заболел и скоропостижно скончался. Для семьи это был большой удар. Любовь Михайловна и юная Тася остались одни, без помощи и средств к существованию. Тогда на помощь пришел Саша, да так и остался надежным другом и помощником для этой семьи.

В университет Тая поступила сама. А когда пришло время устраиваться на работу, то Борзунов все обдумал, взвесил и пристроил девушку в банк. Но не в тот, где работал сам, а к знакомому, по принципу: меньше знаешь – крепче спишь. Он понимал, что лучше находиться на расстоянии, всякие там поездки, банкеты, фуршеты, могут дать трещину в их еще ненамеченных отношениях.

Таисия допила кофе, отставила чашку в сторону и сразу заспешила в комнату. Там с ходу открыла дверцу шкафа и начала доставать нужные ей вещи. Потом выбрала обувь, взяла чемодан, все туда аккуратно сложила и стала одеваться сама.

Она быстро причесала волосы, надела черную юбку и такого же цвета блузку. Следом подошла к комоду, достала все свои сбережения, прихватила документы, всё уложила в сумочку, взяла ключи от машины и, поставив чемодан на колесики, заспешила к выходу.

Саше звонить не стала, зная и понимая, что сразу же посыплются отговоры и опасения, из-за которых они могут сейчас поссориться. А сама на ходу обдумывала, как лучше добраться до Симферопольки.

Девушка спустилась вниз, уверенно вышла из подъезда и направилась к своей машине.

– Стоишь, моя ласточка! А хозяйка твоя захандрила, – сказала Тая и открыла иномарку.

Она сразу убрала вещи в багажник и села за руль. И уже через минуту красного цвета «Инфинити» выехала со двора.

Таисия сожалела, что не успела купить для тети Маши подарки, но решила, что купит их там. Они сходят с ней в магазин, подберут для нее что-нибудь из нарядов, а потом съездят в город и накупят там всякой всячины. Затем вернутся в деревню, сядут с ней на кухне и будут вместе горевать, вспоминая прошлое.

Она очень хотела добраться до той роскошной кровати, на которой лежала пуховая перина. Хоть и говорят, что спать на таких постелях вредно для здоровья, но она то знала, как крепко и хорошо на ней спится. А тетя Маруся будет осторожно ходить по горнице, разгоняя залетевших мух, чтобы племяннице спалось хорошо и спокойно. Утром она напечет по такому случаю блинов или оладушек, и они вместе сядут пить чай.

Тая давила на педаль газа, а за окном проносились высотные дома мегаполиса, вывески реклам, пестрящие разными объявлениями и заманивающие на всякого рода ярмарки и распродажи. Но ничего сейчас не интересовало молодую девушку, она целенаправленно покидала Москву, никому ничего не сказав. Про себя решила, что как только доберется до места, то сразу позвонит девчатам. А еще попросит, чтобы Лада договорилась за нее на работе, и ей дали внеочередной отпуск на несколько дней.

Попутно надо было придумать, как оправдаться перед Сашей, и что ответить на очередной его звонок. Он не звонил уже два часа, а это значит, что скоро снова про нее вспомнит и попытается с ней связаться.

Таисия отключила телефон, чтобы никто не доставал ее звонками и не отвлекал во время движения. Но когда будет подъезжать к деревне, то включит его и тогда ответит на все звонки разом.

Вскоре она выехала за пределы МКАДа и уже мчалась по Симферопольскому шоссе, оставляя душную столицу позади. Проезжая Тулу, девушка накупила пряников, чтобы было чем угостить тетку, да и добрых соседок, которые приходят к ней в гости, тоже не оставить без внимания.

Высоко в небе светило яркое солнце. Погода на удивление стояла теплая и по-весеннему приятная.

Тая очень хотелось остановить машину и выйти, посмотреть на то великолепие, что образовалось кругом, налюбоваться нежным цветом весенних листьев, этими молодыми одуванчиками и мать-и-мачехой, что первыми появились на всех пригорках сразу. Она так мечтала услышать звонкое пение жаворонка, нежную трель соловья, уловить жужжание весенних пчел, что перелетали с цветка на цветок, а еще окунуться в эту красоту и забыться, хотя бы на короткое время.

Весна в этом году выдалась поздняя. Весь апрель и начало мая были холодными. И все уже начали сомневаться, а наступит ли она вообще – эта долгожданная весна. И она наступила. Да так рьяно, что в один день все переменялось, и сразу стало тепло и даже жарко.

Но Тася только сегодня обратила внимание на все, что происходит кругом. Она не удержалась и, выбрав удобное место, съехала с дороги, заглушила машину и не спеша вышла из нее. А сама глубоко вдохнула весеннего теплого воздуха, слегка потянувшись и замерла.

– Красота-то какая! – вырвалось восхищение из ее груди.

Она постояла немного с закрытыми глазами, потом перевела взгляд на лес, что стоял чуть в стороне, затем остановила свой взор на поле, что тянулось с правой стороны и было непривлекательно черным после посевных работ.

По трассе потоком неслись машины, обгоняя друг друга и обдавая все живое своим гулом и рокотом.

Кто-то, завидев молодую и красивую девушку, да еще и на такой крутой тачке, притормаживал и интересовался: не нужна ли ей помощь?

Вот молодой мужчина остановил свой джип и решил познакомиться с ней, выпрашивая у неё телефончик.

«Нет, – подумала она, – придется ехать». А сама спешно шагнула к «Инфинити», забралась за руль и медленно съехала с обочины, выезжая на дорогу.

Через несколько километров Тая увидела кафе, которое показалось ей вполне приличным для таких мест. Да и наличие машин, которые припарковались тут в большом количестве, говорило о том, что здесь, возможно, вкусно готовят.

Она уверенно свернула с трассы и уже совсем скоро сидела за столиком, поджидая официанта.

К ней сразу заспешил молодой человек в белом халате и в таком же белоснежном чепчике, какие обычно носят повара в лучших ресторанах Москвы.

Тихим и приятным голосом он вежливо спросил:

– Желаете покушать?

– Да, – призналась Таисия.

– У нас есть борщ, телятина, котлеты, с разным гарниром. Можно плов, шашлык, – стал перечислять он.

– А плов кто готовит? – остановила она.

– Плов у нас отменный! – восхищенно развел руками молодой человек. – Готовит его повар-узбек. Он с семьей приехал сюда на заработки и поселился в нашем селе. А я, когда узнал, что он так вкусно готовит, сразу взял его к себе на работу. И ему хорошо с семьей, и я доволен. Да и люди тоже.

– Ну... давайте, несите свой знаменитый плов, – согласилась она. – И кофе.

– Одну минутку! – с улыбкой отозвался парень и проворно скрылся в кафе.

Долго его ждать не пришлось, через пару минут этот же официант уже нес на подносе ее заказ. Он подошел, первым делом выложил салфетки, затем нож и вилку, поставил перед ней тарелку с ароматным и пахучем пловом, следом чашку с кофе и тихо пожелал:

– Приятного аппетита!

– Спасибо, – попыталась улыбнуться ему Тая, но получилось грустно.

Он сразу удалился. А она принялась есть плов. Блюдо действительно оказалось вкусным. А перед глазами вновь и вновь всплывали в памяти Никулино, тетя Маша, ее сад – весь в яблонях и вишнях, соседка тетя Нина, к которой она любила бегать, когда приезжала туда в гости.

Заметив, что гостя допила свой кофе и съела весь плов, парень тихонько подошел к ней и, протягивая чек, негромко произнес:

– Мадам, ваш счет.

– Мадмуазель, – поправила его Тая и достала из сумочки кошелек.

– Простите, пожалуйста... Это я от волнения, при виде такой красивой девушки. Не так часто они здесь останавливаются.

Новгородцева улыбнулась краешком губ, подала ему деньги, еще раз поблагодарила за вкусный обед и встала. А сама медленно направилась к своей машине.

Он проводил ее взглядом, понаблюдал, как села она в свою дорогую иномарку, и сказал подошедшему напарнику:

– Вот откуда у таких молоденьких девчонок, такие крутые тачки?!

– От верблюда, Степа! – с намеком упрекнул тот. – Там, наверное, или папа олигарх, или есть у девушки друг сердечный с толстым кошельком.

– А мой папа спивается, – тяжело вздохнул парень, провожая красную «Инфинити» пристальным взглядом.

– Вот и вари борщ, – посоветовал ему друг, – да чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и долголетен будешь на земли.

– Святой ты мой, – усмехнулся Степан, зная, что тот глубоко верующий человек, – пошли шашлык готовить!

Глава 2. Никулино

Село Никулино расположилось на окраине Тульской области, граничащей с Орловской губернией, на берегу многоводной и шумной реки. По подсчетам местных жителей, население насчитывало более трехсот домов. А рядом две небольшие деревушки, как бы примыкающие к Никулино, и в целом образовывалось село довольно-таки большой площади. Места здесь красивые, привольные, да и климат теплее. Раньше начинаются полевые работы, быстрее зацветают сады, да и люди тут добрее друг к другу и приветливее. Живут все дружно. Если играют свадьбы, то всем селом. В последний путь проводить человека, это уж никого не зови, придут проститься все – от мала до велика.

Председатель совхоза человек добрый, отзывчивый, но властный. Лодырей не терпел, но и с работы просто так никого не увольнял. Всегда рассмотрит любую ситуацию, учтет, как говорится, все «за» и «против», войдет в положение работника и все равно найдет ему должность по силам.

Не раз его упрекало начальство, а чаще сами сельчане, за его мягкое отношение к какому-нибудь прогульщику или пьянице.

– Ты сильный! Я сильный! А он слабый! – отвечал Соколов на такие замечания в свой адрес. – Выгони я его сейчас, совсем пропадет и погибнет человек. А кому от этого легче? Надо заинтересовать, помочь. А то потом станет воровать, а у кого? У своих же и сворует! Чтобы было на что пить и жить.

Когда перестройка добралась до отдаленных уголков нашей страны, и один за другим стали распадаться колхозы и совхозы, Николай Николаевич собрал всех жителей у здания правления и завел трогательную и взволнованную речь.

– Мои дорогие сельчане, – начал он тихо, – вы, наверное, уже слышали, что наши соседи почти все разорены. Мужики сидят без работы, а кто работает, получает гроши. У нас с вами все, Слава Богу, пока хорошо! Но мне сверху идут указания: о сокращении посевных угодий, о сокращении численности скота и рабочих мест.

В толпе зашумели.

– Я мог бы вам всего этого не говорить, – продолжил Соколов, – и уверен, что найдутся среди вас «доброжелатели» и сообщат «куда надо» о нашей сегодняшней сходке. И по головке меня никто за это не погладит. Но душа болит не за себя! Душа болит за родной совхоз! За землю нашу кормилицу! И за всех вас. Я не знаю, как стану смотреть вам в глаза, если поступлю иначе.

Потом немного помедлил и продолжил:

– Я предлагаю всем сплотиться и выстоять! Работать надо честно и добросовестно! Зарплаты сокращать не будем! Постараемся, наоборот, повышать, учитывая инфляцию. Помощь будем оказывать всем нуждающимся, никого не обидим, никого не забудем. Жилье как строили, так и будем строить, чтобы молодежь создавала семьи и оставалась у нас в селе. Но меня могут уволить! – напомнил он, обводя всех серьезным взглядом.

– Да, мы за вас горой станем! – послышались выкрики из толпы.

– Мы вас не отпустим! – возмутились женщины, стоящие рядом.

– Нам не нужен другой председатель!

– Придет бумага сверху, и ничего уже будет не сделать! – смотрел на них Соколов, печальным взглядом.

– Да, что они там, совсем охренели? – зашлась на крик одна из старушек. – Такое хозяйство разорить! Тут все мы работали смолоду! Наши отцы, деды поднимали совхоз после войны в самую разруху! А теперь дети трудятся!

– Перестройка! – развел он руками. – Нас об этом и не спросят!

– Еще как спросят! – отозвалась разом толпа людская.

– Пусть только попробуют! – выкрикнул мужчина, стоявший сбоку.

– Я рад, что вы все меня поддержали, – ответил Николай Николаевич, – низко всем кланяюсь за вашу поддержку.

А сам склонил голову перед народом и вновь повел речь:

– Но есть еще один вариант: если будет совсем невоготу, то надо выкупать акции и вести предпринимательскую деятельность. Это крайняя мера, и если уж дойдет до такого, то лучше нам самим выкупить свои земли и технику, чем продать всё чужому дядьке.

Тут из толпы вышел Федор Тополь и взял слово. На него смотрели со вниманием, и все как-то сразу затихли. Он стоял перед ними мужчина богатырь, красавец, с черной шевелюрой на голове, с черными красиво стриженными усами, в модных потертых джинсах, футболке без рукавов, обнажив свои крепкие плечи. Его черные как угли глаза внимательно смотрели на односельчан, а атлетического телосложения фигура наводила страх на местных пацанов и вызывала восхищение у слабого пола.

– Дамы и господа! Судари и сударыни! – заговорил он громко. – Мы должны доказать им, что мы не тунеядцы, а мы рабочая сила! План в этом году, да и в последующих тоже, будем выполнять и перевыполнять! Лодырей будем наказывать! Кто попытается кляузничать на Николая Николаевича, будет иметь дело со мной! Ясно?

– Куда уж яснее! – отозвалась за всех Нина Ильинична.

Пожилая женщина стояла напротив него, облокотившись на свою палку, и очень переживала за все происходящее в селе.

Тополь протянул руку председателю, крепко пожал ее и уверенно сказал:

– Народ за вас, Николай Николаевич. Спите спокойно, совхоз развалить не дадим. Тогда все уйдем в кооператоры. Но думаю, до этого не дойдет.

– Тогда по рабочим местам. Утро в колхозе, как говорится, уже началось! – ответил Соколов весело и улыбнулся.

Народ стал шумно расходиться, обсуждая собрание, а Федор еще стоял и разговаривал с ним.

Нина Ильинична заспешила к председателю. Она с ходу извинилась и, глядя на главу правления, вежливо заговорила:

– Мне бы бочку привезти. А если можно две – под зерно и под воду. Мои-то совсем прохудились.

– Будут тебе бочки, – обнадежил её Николай Николаевич. – Вот Федор и привезет тебе их. Но новых не обещаю.

– Ой, – всплеснула рукой женщина, – да мне и старые сгодятся!

– Привезешь? – спросил председатель, глядя на водителя.

– Только после обеда, сейчас не могу.

– Хоть завтра! – радостно защебетала старушка, получив согласие Соколова. – Доброго вам здоровьечка! – пожелала она и не стала больше никому надоедать, а сразу заспешила домой.

Ильина знала, раз Соколов пообещал что-либо, то уж непременно выполнит, а если Тополь дал слово, то обязательно его сдержит.

В селе его называли по-разному, но чаще коротко по фамилии -Тополь или Тополек. Жил он один в своем доме, по соседству с братом. Дома строили вместе, когда он вернулся с армии. Брат к тому времени уже обзавелся семьей. Да и у Федора закрутилась любовь с одной из местных девушек, которая мгновенно переросла в бурные отношения. Вскоре молодые и свадьбу сыграли. Тогда и решились братья строить себе дома, да не какие-нибудь, а чтоб на века и на зависть людям.

Жили они с супругой дружно и счастливо. Федор носил Наталью на руках. Бывало схватит ее и закружит, никого не стесняясь, а она смеется, заливаясь заразительным смехом. И все было бы хорошо в их уютном гнездышке – дом полная чаша, хорошее хозяйство, любимая

жена, работа, только вот деток Бог не дал. Прожив десять лет вместе, Наталья так и не смогла родить ему ребенка, о чем горько сожалела, считая себя виновной. Тогда женщина, по наущению своей лучшей «подружки», решилась на отчаянный шаг – измену. За что Федор никак не смог ее простить. Она плакала, вымаливая у него прощения, обвинялась вокруг его ног, умоляла, рыдая навзрыд, но он даже не крикнул на нее, а просто ушел, громко хлопнув дверью.

С того момента прошло четыре года. Наталья перешла жить к родителям, а сама сильно заболела, после того случая. Многие поговаривали, что она даже умом немного тронулась. Несчастливая лечилась по врачам, бабкам, родители возили ее по батюшкам, да так и осталась она не совсем здоровой.

Федор остался один в своем большом и просторном доме. С тех пор охладело пылкое сердце мужчины ко всем женщинам. Он старался обходить их стороной, уходил от разговора с ними, но никогда не допускал, чтобы при нем говорил про слабый пол плохо. Да и вообще не любил, чтобы в его присутствии кого-то осуждали или рассказывали всю подноготную жизнь чужого человека, а тем более дамы.

Бывало, заведут мужики разговор, упомянут какую-нибудь красавицу нехорошим словом, а Тополь рявкнет, как отрежет:

– Все! Кончай базар! Вам впору юбки надевать!

Все мгновенно умолкнет и даже возражать не пытаются, потому что знают, что это бесполезная затея.

А вот представительницы прекрасного пола был от него, как говорится, просто без ума! Слишком смелые девицы пытались проникнуть к нему в машину, а самые отчаянные даже в дом, с целью стать его «женой».

Но Федор был неумолим, дамочек он молча выпроваживал за калитку, а вот несовершеннолетних девиц брал за руку и отводил к родителям. Он сдавал их с рук на руки и строго наказывал:

– Вразумите ваше чадо! Я не собираюсь за нее сидеть! – и уходил.

Слухи быстро распространились по селу, и местные красавицы поняли, что настроен он решительно и что с ним лучше не связываться, чтобы не нажить себе позора и осуждений со стороны односельчан.

Так и жил он один, благо брат рядом, да родители проживали недалеко по улице. Тут же Ксюха – любимая племяшка, дочка брата. Девчонка любила прибегать к дядьке и помогать ему по дому. То поможет прибраться в комнатах, то сварит ему что-нибудь на обед или к ужину, то блинов напечет, то свитер свяжет. А он ей за это из города привозил разные подарки и модные вещи.

Отец был недоволен таким баловством и часто ругался на брата.

– Это она из-за тебя от рук отбилась! – упрекнет Николай сердито.

– Ну, кого мне еще баловать? – отшучивался Федор. – Своих-то нет.

– У тебя другие родственники есть! – с обидой напомнит тот.

– Я и тех не обижаю, ты же знаешь. Куда мне деньги тратить, с собой ведь не заберешь.

– Ну тебя, – махнет на него Коля рукой, – говоришь, как дед старый! Словно помирать собрался. Вон, лучше б женился!

– Хватит, был там! Больше не хочу, – резко ответит Федор, вспоминая всю историю развода.

Он увлекся резьбой по дереву. И в длинные и одинокие вечера что-то стругал у себя на веранде, что-то вырезал, стараясь отвлечься от хмурых мыслей. Самые красивые наличники на окнах были у него. Резные двери, резные ставни, все это очень понравилось сельчанам, и ребята стали приходить к нему и просить, чтобы он научил и их такому мастерству. Конечно, не у всех хватало терпения и сноровки, а походив немного, многие мальчишки убегали и появлялись уже только чтобы посмотреть.

Чаще всего к нему заглядывал Иван Якимов, которого он потом взял к себе на машину в ученики. Да еще маленький Костик – сын его покойного друга. Так и жил он один в надежде, что время все залечит, и все как-нибудь в его жизни наладится. А приводить в дом нелюбимую женщину не хотел и был категорически против, душой и сердцем понимая, что для него спортивный интерес, а ей потом травма на всю оставшуюся жизнь. Но мужчина верил, что когда-нибудь он сможет вновь полюбить, а для этого нужно немного подождать. А сам очень надеялся, что обязательно обзаведется семьей. Но пока сердце Федора было закрыто для всех.

Глава 3. Знакомство

Тополь подъехал к мастерским, еще издали увидел Ивана, своего ученика и помощника, и сразу ему посигналил.

А тот скорый на ногу, не любил заставлять себя ждать, мгновенно метнулся к нему.

– Что, дядь Федь? – спросил Якимов, подбегая к машине.

– Бочки надо тетя Нине привезти. Давай садись и поехали. Заберем их у тех ворот, погрузим вдвоем и доставим к её дому.

– Кто против, а я всегда за! – весело отозвался парень и уже бежал вокруг КамАЗа.

Он с ходу влетел в кабину, плюхнулся на сиденье, захлопнув за собой дверь, и громко спросил:

– Куда завтра?

– Куда Родина пошлет, Ваня, – ответил Тополь, и машина медленно покатилась вперед.

– Родина пошлет! Она так еще пошлет! – пошутил тот, но мгновенно понял, что шутка была не совсем удачной.

– Родина, Ваня, это святое! – грозно осек его Федор. – Куда пошлет, туда и надо идти! А иначе ты дезертир и предатель! А предателей и изменников Родины, Ваня, раньше расстреливали. Палач казнит изменника, и он перед Богом не убийца, потому что предатель Родины – это страшный грешник. Это им сейчас смертную казнь отменили, предавай сколько хочешь. Вот ты скоро в армию пойдешь, – напомнил мужчина, внимательно всматриваясь в лицо своего подопечного. – Ведь пойдешь? Косить не станешь?

– Ясное дело, пойду! – заверил его Якимов.

– Вот! И служи честно! И знай, что ты не просто там штаны протираешь, а Родину оберегаешь! Мать, отца охраняешь и меня, Ваня, тоже защищаешь. А я в это время буду спокойно лежать у себя на диванчике и курить сигарету, зная, что не одна гадина не пролезет на нашу землю. Потому что там, с автоматом, стоит мой надежный и верный друг Иван Якимов!

Парень улыбнулся, но промолчал, знал, что возражать в этом случае бесполезно, Федор сразу найдет, что ответить. Да и что тут возразить, если он, как всегда, прав.

КамАЗ остановился у ворот. Они разом спрыгнули на землю и заспешили в мастерские. Там у стены стояло несколько пустых бочек, они выбрали две понадежнее, проворно погрузили их в кузов, и машина вновь не спеша поехала по селу.

Проезжая мимо сельпо, они заметили Нину Ильиничну. Опираясь на клюку, женщина медленно шла из магазина и несла сумку с хлебом.

Тополь притормозил около неё и, выглядывая из окошка, спросил:

– Теть Нин, тебя подвезти?

– Что ты, милый, – махнула костылем та, – я со своими больными ногами и не влезу к тебе в кабину.

– А бочки куда разгружать?

– Скиньте их у дома. А если не трудно, то закатите за калитку. А то я пока доковыляю, еще стащит кто.

– Верить надо людям, баб Нин, – весело проговорил Ваня, глядя на нее сверху.

– Да верю я, езжайте! – отмахнулась от него женщина.

КамАЗ покатился по асфальту дальше, медленно пересекая деревенские улочки.

Федор не любил ездить по селу быстро. Знал, что ребяташки могут неожиданно выскочить на велосипеде из любого проулка, да так, что не знаешь куда деваться. Своих деток не было, а чужих берег.

Они подъехали к кирпичному дому, остановились напротив калитки и одновременно выпрыгнули из машины.

Иван лихо забрался в кузов, подкатил бочку к краю и стал подавать её Федору.

Тот принял ее как игрушку и понес на вытянутых руках над головой до самой калитки. Там лихо перемахнул посудину через штакетник и поставил её в огород, а сам шёл уже обратно.

Сзади послышался гул приближающегося автомобиля, и к соседнему дому подъехала красная иномарка.

Они разом обратили на нее внимание, а Иван с восхищением воскликнул:

– Вот это тачка!

– Давай работай, – подгонял его Тополь и уже протянул руки, чтобы принять вторую бочку.

Тая вышла из машины, уверенно подошла к калитке, но та оказалась закрытой. Девушка обратила внимание на замок, что висел на двери дома. «В магазин, наверное, ушла», – мелькнуло у нее в голове, а на душе было волнительно и в то же время радостно. А сама решила спросить у соседки: не видела ли она ее тетку, и куда та могла подеваться.

Пройдя по тропинке, Тая подошла к мужчинам и робко сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвались те разом.

– Вы не видели тетю Машу? – поинтересовалась она тихим голосом.

Иван в растерянности часто заморгал, лихо спрыгнул с КамАЗа, выростая перед девушкой во весь рост, а сам с непониманием переспросил:

– Какую тетю Машу?

– Никифорову, – пояснила Таисия, указав рукой на дом своей тетки.

Федор не успел и рта раскрыть, как Ваня выпалил:

– Так... она ж умерла!?

– Как умерла? – не поверила она его словам. – Когда?

Но враз побледнела и почувствовала, как похолодело все внутри, а на лице мелькнула зловещая улыбка.

– Этого не может быть... Нет... – мотнула головой Тая.

А глаза мгновенно стали наполняться слезами, губы задрожали, но в душе все еще надеялась и верила, что с ней или шутят так нехорошо, или молодой человек что-то спутал, и сам не знает, что сейчас говорит. И в то же время понимала, что врать этому приятному и симпатичному парню совсем незачем.

– Да... уж пятый день... как похоронили, – растерянно пожал плечами Якимов и перевел взгляд на Федора.

Тот с укором качнул головой, но слово не воробей, вылетело – не поймаетшь.

В этот момент Тая пошатнулась и стала медленно падать, теряя сознание.

Иван мгновенно подхватил ее под руки, а сам громко закричал:

– Дядь Федь, что делать?

– Дурья твоя башка! – грозно рявкнул на него Федор и поспешил на помощь. – Кто ж так говорит такие вещи?

Уже вдвоем они усадили девчонку на лавку, что стояла тут же у калитки. А Ваня метнулся к КамАЗу, достал из кабины бутылку с водой и проворно вернулся обратно. Он с ходу передал ее Тополю, а тот быстро открыл воду, налил себе в ладонь и стал брызгать на лицо москвичке.

Новгородцева никак не отреагировала на это, а полулежала без чувств, прислонившись спиной к забору.

Тогда Федор похлопал ее по щекам, но результата не было.

Якимов торопливо принес из машины аптечку, нашел в ней нашатырь и передал его мужчине.

Тот вскрыл пузырек и, намочив кусок ваты, поднес девчонке под нос.

Таисия слегка поморщилась, следом качнула головой, потом медленно приоткрыла глаза и стала постепенно приходить в себя.

Сзади послышалось шарканье калош. Тополь и Ваня разом обернулись и увидели Нину Ильиничну.

Та шла по тропинке к дому, опираясь на костыль, а сама внимательно смотрела на них.

– Что тут у вас стряслось? – спросила женщина, подходя ближе.

Но заметив бледное лицо девушки, всплеснула рукой и громко ахнула:

– Тая приехала!

– Вот... сознание потеряла... – поведал взволнованно Иван. – Спросила, где тетя Маша, а я сказал, что... померла... Вот она и....

– А это все от того, что кто-то не умеет думать, прежде чем говорить! – вновь одернул его Федор.

Парень виновато замолчал, легонько вздохнул и только смотрел на девчонку, понимая, как ей сейчас плохо.

– Тася, касаточка моя, – склонилась над ней Ильина, – ты одна приехала или с мамой?

– Одна... Мама умерла... две недели назад, – ответила она дрожащим голосом.

– Как умерла?! – только и могла вымолвить Нина Ильинична и, прикрывая рот ладошкой, залилась горькими слезами.

– Теть Нин, вам нельзя плакать, – попытался успокоить ее Якимов, – у вас давление.

А сам взял у неё сумку, посмотрел на Федора и спросил:

– Что делать?

– Дуй за медичкой! – скомандовал тот, понимая, что сейчас придется отхаживать двоих.

Ваня поставил сумку на лавку и мгновенно скрылся за длинным КамАЗом, намереваясь сию же минуту разыскать медсестру.

Тополь предложил Нине Ильиничне воды. Та отмахнулась, заливаясь слезами, в сердцах качнула головой, медленно сунула руку в карман своей вязанной кофты и достала оттуда платок.

– Это что ж получается... – вновь заговорила она, вытирая слезы, – Люба померла и Машу с собой забрала?

– Как же так? – вымолвила Тая, все еще не веря в происходящее. – Почему? – вопрошала она с надрывом в голосе. – У меня же теперь... никого не осталось... Зачем они так все со мной? Как же я теперь одна жить буду?

– Люба, Люба! – молвила Ильина, а сама все смотрела на Таисию.

Что сказать несчастной девочке, как утешить её в таком горе? Да и сама она была слишком расстроена этой печальной новостью. Женщина не отошла еще от стресса, распрощавшись со своей любимой и доброй соседкой, а тут опять такая страшная весть.

Нина Ильинична погоревала немного и стала рассказывать, как умерла ее тетка и как ее похоронили.

Тася не плакала, а только слушала ее и молчала, глядя в одну точку опустошенными глазами.

Иногда Федору казалось, что девчонка вообще их не слышит, ее здесь нет, она где-то совсем далеко.

Медсестра подросла вовремя. Она подошла размашистым шагом и с ходу спросила:

– Что тут у вас?

Следом за ней подтянулся и Ваня. Он остановился чуть в стороне, внимательно наблюдая за всем происходящим.

– Люд, – тихо обратился к ней Тополь, – мне на работу надо ехать. Я оставляю их на тебя. Не люблю я женские слезы!

– Разберемся, – отозвалась та спокойным тоном и шагнула мимо него.

Мужчина толкнул Ивана в плечо, и они вместе заспешили к машине. А сами проворно забрались в КамАЗ, Якимов сел на пассажирское сиденье и виновато молчал.

Федор завел двигатель и стал тихонько отъезжать от дома, бросив короткий взгляд на парня. Ему стало жаль своего подопечного, и он весело заговорил:

– Да ладно, Вань, все равно кто-нибудь, да сказал бы ей.

Погруженный в свои раздумья, тот ничего не ответил.

А Тополь задумчиво смотрел на дорогу, изредка вздыхая и приговаривая:

– Да-а, ну и дела...

– Жалко девчонку, – только и мог сказать Якимов.

– Еще как жалко! – отозвался он с сочувствием. – Такого горя, врагу не пожелаешь.

Тая сидела на веранде в доме Ильиной, куда перевели ее женщины. Медсестра дала ей понюхать нашатырного спирта, потом сделала укол, чтобы она быстрее успокоилась, а сама присела на стул, разглядывая ее с головы до ног.

Нина Ильинична расположилась напротив, сожалея и понимая, как ей сейчас тяжело.

Но фельдшера настораживало то, что девушка не плакала, а безразлично смотрела в пол.

Вскоре подействовало лекарство, и Тая тихо сказала:

– Спать хочу.

– Ложись, – бросилась к ней Ильина, подавая подушку, – ложись, касаточка моя! – засуетилась вокруг неё женщина, шаркая старыми стоптанными тапками по деревянному полу.

Новгородцеву уложили на диван, накрыли пледом, а Людмила Сергеевна стала собирать свой чемоданчик, изредка поглядывая в ее сторону. Потом еще раз проверила пульс, поняла, что тот в норме, сразу успокоилась и предупредила:

– Пойду я. А вечером еще зайду. Если что, сразу звоните мне. Только приглядывайте за ней.

– Хорошо, – пообещала Ильина и проводила ее до выхода.

А сама прикрыла за ней дверь, медленно вернулась и присела на стул. Но еще долго смотрела на спящую гостью, вспоминая ее мать добрыми словами.

Фельдшер, как и обещала, зашла к ним поздно вечером. Она проверила у Таисии пульс, успокоила Нину Ильиничну, заверив, что теперь девчонка проспит до самого утра, и отправилась обратно домой.

Следом появился Ваня. Он очень волновался за москвичку и решил узнать, как она себя чувствует.

Молодой человек вошел во двор и сразу же столкнулся с хозяйкой.

Та шла из дома по тропинке, держа в руке лейку. А завидев его, добродушно сказала:

– Ванюша пришел! А я уже все полила и иду закрывать калитку.

– Да... зашел спросить, как вы тут? – тихо поинтересовался он.

– Спит касаточка. Людмила ей укол сделала, она тут же и уснула. И пока не просыпалась бедняжка, – пояснила грустным голосом женщина и тяжело вздохнула.

– Надо ее машину посмотреть, закрыла она ее или нет, – заботливо предложил парень. – А то угонят еще.

– И то правда! – ахнула Ильина. – А я и не подумала!

Якимов повернулся и пошел через калитку обратно, намереваясь осуществить задуманное. Пройдя по тропинке, он очутился у дома Никифоровых, смело подошел к иномарке,

тихонько дернул дверцу, и она мгновенно открылась. Он сразу обратил внимание на ключи, что торчали в замке зажигания.

– Садись и гони! – с усмешкой произнес Ваня и уверенно забрался в салон.

А сам огляделся, заметил дорогой телефон, лежащий на сиденье рядом, взял его в руки и изумленно воскликнул:

– Ни фиги себе! Крутая тачка и такой крутой мобильник!

Он умело пощелкал клавиатурой, и тот сразу же включился. Молодой человек вновь усмехнулся и с упреком произнес:

– Вот растяпа! И блокировку не включила!

Но тут неожиданно и мелодично раздался звонок, а на экране высветилось имя «Саша».

– Кто-то звонит, – проговорил Якимов вслух, задумчиво наблюдая как жужжал дорогой айфон.

Но отвечать не стал, решил, что разберутся потом и сами. Он прихватил его с собой, спешно покинул «Инфинити», поставив машину на сигнализацию, и заторопился к Ильиной.

– Ну, что там? – спросила его женщина.

– Все открыто было, – поведал он, протягивая ей сотовый. – Вот, я его отключил, а то будут звонить, разбудят ещё.

– Правильно, – согласилась она.

– Еще ключи. Положите ей под подушку, только не забудьте.

– Ни-ни, Ванечка, – заверила его Нина Ильинична, принимая из его рук ключи от машины, – все сделаю, как ты сказал. Там утром и найдет их касаточка.

– Там еще вещи какие-то, но я не стал их трогать. Завтра придет в себя, и сама разберется со всем.

– Хорошо, – согласилась Ильина, провожая его за калиту.

Они распрощались. Женщина закрыла дверь на щеколду и, шаркая своими старыми тапками по тропинке, побрела к дому. Держась рукой за перила, она с трудом взобралась по ступенькам наверх, вошла на веранду и устало плюхнулась на стул. Так сидя, долго смотрела на Тасю, жалея ее и сострадавая...

Новгородцева открыла глаза уже утром и не сразу поняла, где находится. Потом вспомнила, что с ней было, потерла ладошкой лоб и медленно откинула плед в сторону, опуская ноги на пол. Да так и застыла в тяжких раздумьях: «Как жить дальше? Что делать? К кому голову прислонить? Одна на всем белом свете», – несло у нее в мыслях.

Послышались шаги, и из дома на веранду вышла Нина Ильинична. Заметив, что гостья проснулась, она всплеснула руками и радостно спросила:

– Касаточка, выспалась? Не замерзла ночью-то? А я тебя и будить не стала. Думаю, пусть спит, укурю потеплее, а то ночи еще холодные!

– А сколько времени? – спросила её Тая.

– Да... обед уже.

– Я так долго спала?

– И хорошо! – замахала на неё руками женщина. – И славненько! Выспалась, вылежалась, а теперь пора и покушать. Я там оладушек напекла.

– Я не хочу, – тихо отказалась она.

– Что значит, не хочу? – возмутилась Нина Ильинична. – Есть такое слово – надо! Щас же идешь в дом, и я буду тебя откармливать. А то глядеть совсем не на что. Кожа да кости остались.

Но заметив слезы на ее глазах, тут же приказала:

– А плакать будешь потом! Вот щас пообедаем с тобой и пойдем на кладбище, Марусю проведем. А там и поплачем вместе. Пошли, – в приказном порядке махнула рукой Ильина и, не давая ей опомниться, потянула за руку.

Тася сразу повиновалась, встала с дивана и медленно поплелась за ней в дом.

Пройдя на кухню, хозяйка усадила гостью у открытого окошка и стала наливать ей чай. Оладушки уже стояли на столе, слегка прикрытые вышитым рушником.

– Я-то рано встаю, – заговорила женщина ласково, – привычка, никуда не денешься. Вот и напекла оладушек. Вспомнила, как ты маленькая ко мне прибежала, и мы с тобой чай пили. Ты-то помнишь?

– Помню, – тихо отозвалась она.

Нина Ильинична уселась на стул, подала ей чашку с ароматным чаем, внимательно всматриваясь в ее бледное лицо, и чуть сама не заплакала. Но сдержалась, понимая, что сейчас надо хоть как-то помочь этой несчастной девочке.

Худенькая, слабенькая, с большими зелеными глазами, но такими потухшими и безразлично смотрящими в одну точку, Таисия сидела за столом и, казалось, не было сил держать чашку.

Добрая соседка подавала ей оладушки, а она молча их ела, изредка посматривая в открытое окно.

А там пышно зацветала черемуха, и пел, заливаясь на все лады, звонкий соловей. Но даже и это не радовало бедную девушку.

Но тут она вспомнила про Сашу и поняла, как сильно он теперь за нее волнуется. Сразу отставила чашку на стол и бросилась на выход.

Но Ильина остановила ее своим вопросом:

– Ты куда?

– Надо позвонить.

– Телефон и ключи у тебя под подушкой.

Тася замерла у входа, вспоминая, как они там оказались.

– Там все было открыто, – стала рассказывать ей женщина. – Хорошо Ваня пришел вечером, все закрыл и принес твой сотовый и ключи. А то могли бы и машину угнать, и все украсть.

– Спасибо, – поблагодарила ее Тая и пошла на веранду.

Она подошла к дивану, достала из-под подушки свой айфон, ключи, тут же присела и включила мобильник. А сама мгновенно позвонила Саше и замерла, ожидая новую порцию его упреков.

Он сразу снял трубку и взволнованно спросил:

– Тая, ты?

– Я.

Мужчина молчал.

– Саш, прости меня, – виновато заговорила она.

– Ты где? Ты вообще... хоть немножечко меня любишь? – спросил Борзунов убитым голосом.

– Я тебя очень люблю... Ты один теперь у меня и остался...

Уловив в ее голосе тревогу и скорбь, он поспешил спросил:

– Девочка моя, что-то случилось?

– Я уехала к тетке в деревню, а она... умерла... – поведала Тася дрожащим голосом.

– Когда?!

– Пять дней назад...

Спрашивать, как она доехала, было уже незачем, жива, и Слава Богу.

– Я еду к тебе, – заявил он решительно.

Таисия попыталась возразить, но Борзунов резко ответил:

– Это даже не обсуждается! Все, жди, – и в трубке послышались гудки.

Потом он еще перезванивал, но уже с дороги, интересовался, как лучше проехать в Никулино.

Девушка вернулась на кухню, но тут у нее вновь зазвонил телефон. Теперь про нее вспомнила Лада, и с ней тоже надо было поговорить и объяснить. За ночь Саша всех поставил на уши, и подружки тоже за нее переживали и волновались. И как только она включила мобильник, в ее адрес посыпались куча вопросов и упреков:

– Таська, ты? Ты куда пропала?! Мы тут уже все морги обзвонили, тебя искали! Все больницы обзвонили! Милицию на уши подняли, а тебя нет нигде! А Саша чуть с ума не сошел! Если бы ты его видела, он как тигр в клетке метался! За что ты с ним так?

– Ладочка, простите меня все. Я поступила неправильно, каюсь, – стала оправдываться Новгородцева. – Я думала, доеду и позвоню. Если бы я вам сказала, что хочу уехать к тетке, вы меня ни за что не отпустили бы одну в таком состоянии.

Влада сразу напряглась, пытаясь понять, где сейчас ее любимая подружка, и вновь поинтересовалась:

– Куда ты уехала?!

– В Никулино, к тете Маше... Но она умерла... следом за мамой... Вот почему ее не было на похоронах. Она сильно заболела и не могла приехать. А ее телеграмма до меня не дошла.

– Да, мы и не знали, что твоя мама умерла! – вставила свое слово Нина Ильинична.

Тая перестала говорить, удивленно взглянув на соседку, и растерянно переспросила:

– Как... не знали? А... телеграмма?

– Не было никакой телеграммы! – заверила ее женщина. – А вы нашу получили?

– Нет, – мотнула она головой.

– Как нет? – возмущенно всплеснула руками Ильина. – А куда же они подевались?

Но видя надвигающиеся слезы на глазах девчонки, пригрозила:

– Ну, я им устрою – этому телеграфу! Я с ними сама разберусь! У людей горе, а они телеграммы теряют!

Таисия отключила сотовый, молча встала из-за стола и медленно пошла к выходу. Ступая босыми ногами по полу, она шла, покачиваясь из стороны в сторону, понуро склонив голову вперед. Но слезы сдержала, умом осознавая, что все это надо теперь как-то пережить и держать себя в руках.

Она вышла на крылечко, спустилась на одну ступеньку вниз и присела, поглядывая во двор.

Погода была теплая. По-весеннему светило солнце. На небе ни облачка. А в кустах заливался на все лады голосистый соловей.

У самого крыльца важно выхаживал пестрый петух, а стайка таких же пестрых кур тихонько расхаживали по двору.

Из-за угла вышла дымчатая кошка, слегка потерлась об угол боком, а потом вдруг резко прыгнула на ступеньку, другую, и мгновенно оказалась у ее ног. А сама стала ласкаться к ней, виляя своим пушистым хвостом, мурлыкала, словно хотела ей что-то сказать или утешить в горе.

Тая погладила ее по спине, а та проворно извернулась и забралась к ней на колени. Кошка стала тереться ей о щеку, а девушка грустно улыбнулась и прижала живность к себе. Довольно виляя своим хвостом, Мурка понимала, что пришла по душе этой грустной незнакомке.

Вышла хозяйка и стала сзади, поглядывая на них со стороны, но молчала.

– Может, у кого-то есть ключи от дома тетя Маруси? – спросила ее Тася.

– Есть! – обрадовала ее женщина и указала рукой на связку ключей, – вон, на гвоздике у меня висят.

Новгородцева убрала кошку с колен, медленно встала и прошла на веранду. Там сняла с гвоздика ключи, надела туфли и, ничего не говоря, пошла из дома вниз по ступенькам.

Нина Ильинична проводила ее взглядом, видела, как та вышла через калитку, а потом и сама засобиралась следом за ней. Очень боялась, что девчонка войдет в дом, вспомнит прошлое и ей вновь станет плохо, а помочь будет некому.

Таисия подошла к своей машине, открыла ее и стала доставать вещи. Потом взяла сумочку, захлопнула дверцу и тихо побрела к дому. Надо было как-то устраиваться, не век же жить у соседки. Скоро приедет Саша, и она очень хотела побыть с ним одна, поплакаться ему, поговорить и обсудить дальнейшие планы.

Она открыла замок на двери, занесла чемодан в дом, поставив его посреди прихожей, а сама скинула туфли и тихо пошла по комнатам.

Здесь было чисто и уютно, словно вчера хозяйка навела порядок, ожидая гостей. В большой комнате на столе стояла фотография тети Маши, а рядом подсвечник с обожженной свечой.

Девушка остановилась и замерла у стола, разглядывая фото, а сама мысленно просила у нее прощения за то, что опоздала на похороны. А еще за то, что так долго к ней не приезжала.

Сзади послышались шаги. Она обернулась, чтобы посмотреть, кто там пришел, и увидела Нину Ильиничну. Тася понимала, что та переживает за ее душевное состояние.

Шаркая новыми тапками по деревянному полу, Ильина с трудом переступила через порог и с ходу напомнила:

– Надо бы на кладбище сходить. А то после обеда, говорят, не ходят.

– Да, конечно, – согласилась она, – я только переоденусь.

Ильина вышла на улицу и, прислонившись к стене, вновь погрузилась в свои тяжкие раздумья.

Таисия не заставила себя ждать и вскоре вышла из дома. Она была одета в черное платье с коротким рукавом, черные туфли на высоком каблуке, на голове черный шелковый платок, повязанный назад. Сразу достала из сумочки черные очки, надела их и тихо сказала:

– Можно ехать.

– Здесь недалеко, может, пешочком? – предложила ласково женщина.

– У вас ноги больные, к вечеру и дойдем, – попыталась переубедить её девушка. – Я аккуратно, вы не волнуйтесь. Раз уж сюда за столько верст доехала в таком состоянии, то до кладбища как-нибудь доберусь.

Махнув рукой, Ильина согласилась:

– Ну, тогда поехали.

Они медленно прошли к иномарке, уселись в салон и сразу двинулись в путь.

Кладбище находилось чуть в стороне от села. Пять лет назад там же была восстановлена старая разрушенная в советское время церковь – в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Это для сельчан было большим и настоящим событием. Всем селом собирали подписи и ездили в епархию. Там им дали согласие на строительство храма, с условием, что все окажут посильную помощь в возрождении святыни. Были, конечно, и противники, но большинство сельчан помогали: кто деньгами, кто посильной работой, кто стройматериалами, а кто добрым словом и молитвой.

Не остался в стороне и председатель совхоза. Соколов был верующим человеком и принял активное участие в восстановлении церкви.

На удивление всем, но уже через год храм встретил своих прихожан. Его открытие и освящение состоялось прямо на Светлое Христово Воскресение – Пасху. Народу в тот день было много. Приехали жители из соседних деревень. Все шли в церковь нарядные, красивые, освящать куличи, пасхи и крашеные яйца. Люди от души радовались, христосовались, а пожи-

лые женщины плакали. Так истосковались их души, так соскучились они по храму Божьему, что на радостях многие не могли сдержать своих слез.

Красная «Инфинити» остановилась у храма. Таисия заглушила мотор, первая вышла из машины и подождала, когда выберется Нина Ильинична.

Они медленно побрели по кладбищу. Ильина шла и, указывая рукой на могилки, рассказывала ей, где, кто и когда был похоронен.

Пройдя в глубь, женщина остановилась и сказала:

– Вот мы и пришли.

Тася взглянула на свежий холмик и тихо заплакала. Тетка была похоронена рядом со своим мужем и сыном, которые разбились на машине много лет назад. Дяде Толе надо было съездить в город, он взял с собой Рому, которому тогда исполнилось шесть лет, а назад они так и не вернулись. С тех пор Мария Михайловна жила одна, и на все уговоры сестры и соседки, чтобы обзавестись новой семьей, отвечала: «Я мужа шибко любила! А придет другой нелюбимый, надо будет врать и притворяться. Не хочу. Я мыслями каждую минуту, каждую секунду со своими любимыми мужем и сыном. Никто мне больше не нужен. Вот пойду на кладбище, посижу, поговорю с ними, и словно они живые».

Не раз сватались с ней местные мужчины, предлагали серьезные отношения, а она только ответит: «А как же я в глаза мужу потом гляну? Приду к нему на могилку и буду прятать от него свой взгляд? А сыну? Нет. Не хочу и не буду. Они мне каждый день во сне снятся. Зачем же я предавать их стану?»

Таисия подошла ближе и присела на корточки, а сама провела рукой по свежему холмику и громко всхлипнула.

Ильина смотрела на нее, а сама утирала платком набежавшие слезы.

– Надо будет оградку новую заказать, – дрожащим голосом проговорила Тая, – эта мала всем.

– Председатель сказал, что обо всем позаботится колхоз, – отозвалась Нина Ильинична. – Она всю жизнь отработала здесь.

– Нет, я сама... Хоть что-то для них сделаю.

– Как знаешь, голубушка, тебе решать.

Женщина немного постояла и ушла в церковь, намереваясь поставить свечи и заказать панихиду.

В это самое время к храму подъехал КамАЗ и остановился у дальнего выхода, где шло строительство. Из кабины выпрыгнул Федор, а следом за ним показался и Ваня.

Завидев Ильину, Тополь направился к ней и с ходу спросил:

– Теть Нин, здравствуй. Как там девчонка?

– Ох, – махнула она рукой, – стоит там у могилки, плачет голубушка.

– А мы тут батюшке стройматериалы привезли, – поведал мужчина.

– Она тут звонила подружкам и Саше какому-то. Он сегодня должен приехать к ней сюда, – сообщила она. – А вот телеграмму на похороны она не получила. Ну, я сама зайду на почту и разберусь с ними! – погрозились Нина Ильинична в сторону села. – У людей горе, а они телеграммы теряют!

А сама повернулась и, опираясь на костыль, отправилась в храм.

Федор и Ваня проводили ее взглядом и поспешили найти священника. Они проворно выгрузили стройматериалы, и разговор пошел о строительстве. Тополь пообещал, что обязательно поможет храму, а батюшка поблагодарил их, благословил на дорожку, и они засобирались обратно в Никулино.

Но тут Якимов увидел Таисию, она медленно брела с кладбища к машине, безразлично глядя себе под ноги. Парень насторожился, было видно, что девчонка никак не отошла от новых потрясений, и, скорее всего, самочувствие ее было совсем плохим.

Он толкнул Федора локтем, указывая глазами в сторону москвички.

Тот резко посмотрел на нее и, вздыхая, сказал:

– А что ты хочешь, такое горе.

– Она ж за рулем.

– И что?

– Да так, – пожал он плечами.

Опираясь на свой костыль, из церкви вышла Нина Ильинична. А завидев Тасю, сразу поспешила к ней навстречу.

– Я тут свечечек купила, поставила родным за здоровье и упокой. А ты зайдешь? – спросила она, подходя ближе.

– Нет, – шепнула та бледными губами, – что-то мне нехорошо.

– Ой, касаточка, – испугалась Ильина, – тебе бы присесть.

А сама взволнованно махнула рукой мужчинам, призывая их на помощь.

– Да нет, я до дома поеду, – тихо отказалась Тая, но, сделав шаг вперед, внезапно пошатнулась и стала медленно падать.

Федор был уже рядом и мгновенно метнулся к ней. Он моментально подхватил девчонку на руки и словно пушинку понес её в сторону лавки.

Ваня торопливо попевал рядом, а за ними, охая и ахая, семенила больными ногами старая женщина.

Тасю усадили в тенечек. Служащая храма принесла ей святой воды и сбрызнула ее бледное лицо. Потом дала ей попить, и постепенно та стала приходить в себя.

– Как же она теперь назад поедет? – волновался за нее Якимов.

– Ты отвезешь, – уверенно заявил Тополь.

– Я?! На такой машине?!

– Тут недалеко. КамАЗ водить умеешь и на иномарке прокатишься.

– Ну... я попробую, – пожимая плечами, согласился он.

А сам был рад, что сможет прокатиться за рулем такой крутой тачки.

Вскоре Новгородцеву посадили в машину. Иван забрался за руль, Нина Ильинична на заднее сиденье, и «Инфинити» медленно покатила вперед.

Федор проводил их тяжелым задумчивым взглядом, забрался в кабину, завел КамАЗ и не спеша последовал за ними.

Ваня чувствовал себя героем! Он важно выруливал по дороге, приветствуя знакомых рукой из открытого окошка. А те смотрели на него с удивлением, провожая долгими недоумевающими взглядами. Но парень целенаправленно мчался по селу к дому Никифоровых и делал вид, что очень сейчас занят.

Иномарка подъехала и остановилась у калитки. Якимов помог женщинам выйти из салона, осторожно закрыл «Инфинити» и передал ключи Таисии.

– Может, что надо? – тихо поинтересовался он.

– Нет, – безразлично мотнула головой девушка, – мне ничего не надо...

А сама тихо побрела к дому.

– Ты езжай, касатик, – заговорила Ильина, – я тут за ней присмотрю.

Якимов повернулся и сразу же пошел к Федору.

Притормозив у обочины, тот сидел за рулем своего КамАЗа и курил сигарету, поджидая своего подопечного.

Парень с ходу забрался в кабину, захлопнув за собой дверь и с восхищением проговорил:

– Там так здорово! Там такая панель управления! Так все классно и круто! Только после КамАЗа иномарка, да еще и дамская, кажется игрушкой.

– Ты мой КамАЗ не обижай! – рявкнул на него Тополь.

– А я и не обижаю! – стал оправдываться Ваня. – Надо будет к ней в гости зайти.

– Ухажер! – засмеялся над ним мужчина и, протянув руку, махнул ладонью по его волосам.

– А что? – ответил он, важно выпячивая грудь вперед. – Она, как я понял, девушка незамужняя. Я тоже холост! Из нас получится замечательная пара!

– Ты подрасти сначала! – засмеялся над ним Тополь. – Тем более, она штучка городская, набалованная, не к таким кавалерам привыкшая!

– Я же не жениться на ней собираюсь! А так... познакомиться, для начала.

Федор усмехнулся, не одобряя такого решения, мгновенно выбросил окурок в открытое окошко и завел машину. КамАЗ сразу заурчал и медленно поехал вперед, тихонько выезжая на асфальт...

Глава 4. Саша

Борзунов приехал ближе к вечеру и не один. Из джипа вышел шофер, и Тася сразу его узнала. Это был Аким Левкович, который уже несколько лет работал охранником и по совместительству водителем.

Девушка встретила их у калитки. Александр Викторович крепко обнял ее, поцеловал в щечку, и они сразу ушли в дом.

Аким остался стоять на улице, разминая после долгой дороги затекшие ноги.

Пара вошла на веранду и остановилась. А мужчина засмотрелся в грустные глаза девочки и стал утешать:

– Не плачь, теперь ничего уже не изменить.

– Я думала... поживу у нее... сил наберусь... – дрожащим голосом ответила она, – а получается...

Они уселись на диван. Тая помолчала немного, а потом вновь заговорила:

– Как хорошо, что ты приехал... Я тут совсем одна с этой бедой.

– Теперь я с тобой, и все будет хорошо.

– Когда, Саш? Когда оно будет? – спросила она и заплакала.

– Будет, обязательно будет, – успокаивал ее мужчина.

Таисия вытерла набежавшие слезы и спохватилась:

– А мне вас и угощать нечем.

– Сейчас Акима отправлю в магазин, и он все купит. Аким! – позвал он громко парня.

Тот не заставил себя ждать и очень быстро появился в дверном проеме.

– Слетай в магазин и купи еды. Все голодные, а продуктов нет.

– Будет сделано, – пообещал Левкович и вновь скрылся из виду.

Они еще долго сидели на диване. Больше молчали, чем говорили. Но Тая как-то успокоилась, ей стало лучше, она уже не плакала, а только смотрела куда-то в окно, думая о родных, которые так внезапно оставили ее одну на всем белом свете.

Выбрав момент, Александр Викторович тихонько предложил:

– Тась, давай уедем домой.

– Нет, Саш, – не согласилась она, – что же я буду кататься туда-сюда. Здесь надо и оградку поставить, и за домом присмотреть, и решить, что теперь с ним делать. Потом... поминки справить по тетя Маше. На похоронах не была, хоть поминки по ней справлю. Ты только не обижайся, я немного поживу тут и вернусь.

– Я сойду с ума. Хоть немножечко пожалей меня. Я же тебе еще пригожусь, – с горечью говорил Борзунов, рассматривая ее печальные глаза.

– Не надо сходить с ума, тогда я тоже умру, – ласково ответила Тася. – И давай сейчас решим и больше не будем к этому возвращаться, я приеду, как только немного окрепну, улажу тут дела и справлю поминки. А ты спокойно будешь меня там ждать.

– Возражения принимаются?

– Ты же знаешь, что нет.

Саша тяжело вздохнул, понимая, что переубедить её сейчас он никак не сможет. Знал ее упрямый и настойчивый характер и понимал, что в данном случае надо только соглашаться. Ведь нервная система любимой девчонки слишком подорвана, и теперь кроме ласки и любви она ничего не заслуживает.

К дому подъехала и остановилась машина, это Аким вернулся с покупками. Вскоре он появился на веранде, внес в дом пакеты, поставил их на стол и осторожно полюбопытствовал:

– Кто будет готовить?

– Ты, – ответил ему Борзунов.

Тая грустно улыбнулась, а Левкович засмотрелся на нее с сочувствием и тихо сказал:

– Она улыбается. Это уже очень хороший знак!

А сам подхватил пакеты, резко повернулся и уверенно прошел на кухню. Там нашел всю необходимую утварь, для приготовления пищи, достал фартук, надел его и занялся стряпней. Вскоре из дома потянуло приятным ароматом жареного мяса и картошки.

Ужинали они на террасе, так решил Саша. В доме было душно, а духоты он не переносил.

Аким накрыл стол красивой скатертью, которую нашел в шкафчике на кухне, и стал выставлять закуску. Молодой человек успел приготовить кучу салатов, порезать колбасу, сыр, выложил на тарелку маслины и отдельно оливки, которые Александр Викторович обожал и не садился есть, если на столе не было хотя бы чего-то одного, но любил, чтобы было и то и другое. Следом принес жареную картошку и водрузил ее посреди стола. За ней выставил пахучее мясо и хлеб. Каждому подал тарелки, положил рядом вилки и извинился, что не нашел в доме ножей. А сам пригласил шефа с дамой к столу.

Все ели с аппетитом. Да и по времени все давно проголодались. И даже Тая съела почти все, что подал ей Аким. Она выпили вина, а Саша налил себе коньяк.

– Аким, – заговорил Борзунов, – вот за что я люблю тебя и уважаю, так это за то, что ты умеешь все приготовить быстро и вкусно.

– Я вообще парень хоть куда! – весело отозвался тот, дожёвывая кусок мяса. – Надо же начальству иногда угождать, когда ждешь повышения зарплаты.

– А я обещал? – взглянул на него Александр Викторович растерянно.

– Но мне же не хватает! – развел он руками.

– Нет, ты посмотри на него! – воскликнул мужчина, удивляясь его наглости.

– На жизнь, конечно, хватает, – стал оправдываться Левкович, – но надо же еще и девчонок угостить, что-то подарить им, в ресторан сводить, опять же в театр! – рассуждал он, загибая пальцы. – Они сейчас не станут даже на меня и смотреть, если узнают, как мало я зарабатываю. Им подавай Мальдивы, бриллианты, крутые тачки и рестораны. А я совсем не хочу выглядеть бакланом в глазах красивых дам.

– А ты женись, уже пора.

– Мне ж только двадцать семь исполнилось! – запротестовал сразу парень. – Что я вам плохого сделал? А вот вам, Александр Викторович, уже давно пора!

– За меня никто не идет, – отговорился он и перевел взгляд на Тасю.

– Саш, – ласково ответила она, – давай не будем сейчас говорить на эту тему.

– Я жду. Знать бы сколько.

У калитки показалась Нина Ильинична. Она тихонько подошла к дому, с трудом забралась по ступенькам на веранду и добродушно поздоровалась:

– Добрый вам вечер. Вот думала-думала и решила зайти, узнать, как вы тут устроились.

– Присаживайтесь с нами, – пригласила ее Таисия к столу.

Аким мгновенно ушел в дом и вернулся уже со стулом в руках. Он проворно поставил его перед женщиной и мило предложил:

– Прошу!

– Ой, спасибочки! – улыбнулась ему Ильина и не стала отказываться, а аккуратно опустилась на стул.

– Давайте помянем маму и тетю Марусю, – грустным тоном предложила Тая.

– Давайте помянем, царствие им небесное! – тяжело вздохнула соседка и перекрестилась. Аким налил ей вина, та медленно выпила, а парень уже подавал гостье закуску.

Все посидели немного молча, и Борзунов заговорил:

– Тая хочет остаться здесь. Как тут у вас, тихо? Никто не хулиганит?

– Да... все тихо. Не слышно, чтоб кто-то хулиганил, – успокоила его Нина Ильинична. – И я присмотрю тут за ней. А если что, участковому скажу, он у нас в авторитете, его побаиваются. А то можно и у меня пожить. Я одна, дом большой, вместе веселее будет.

Саша смотрел на девушку, но знал, что последнее слово будет за ней. Он не мог на нее давить, потому что слишком любил и дорожил этим человечком.

– Я попробую пожить в этом доме, а если страшно станет, то к вам прибегу, – пообещала она.

– Мы еще завтра день здесь будем, – сказал Александр Викторович, – а вечером уедем. У меня важная сделка, я не могу ее сорвать.

Они еще посидели вместе, поговорили о жизни на селе, но вскоре соседка ушла. А Левкович собрался прогуляться к реке, уж больно красиво ему здесь всё показалось.

Погода была теплая и тихая. Голубое небо без единого облачка. Над горизонтом, утопая в лучах пурпурного заката, зависло яркое весеннее солнце. Цветущая черемуха наполняла воздух своим ароматным запахом. Зацвели сады. Пели, заливаясь на все лады, соловьи. Им тут же вторили грачи, которые расселись на высоких деревьях и каркали, разрезая тишину громкими протяжными голосами.

Сидеть дома было грустно и тоскливо, вот и решил парень прогуляться по селу.

Тая показала ему комнату, где он будет спать, чтобы ночью никого не будить. А сама была уверена, что тот загуляется допоздна, зная его вольный и разгульный характер.

Она застелила три постели – Саше в большой комнате, Акиму рядом с ним, а сама устроилась в спальне, где любила спать ее тетка. На этой кровати лежала огромная перина, на которой спалось хорошо и сладко. Раньше, когда она была совсем маленькая и приезжала в гости, тетя Маша всегда уступала ей своё ложе. А она ляжет и словно провалится куда-то, да так и проспит до самого утра.

Они долго переговаривались из комнаты в комнату, лежа каждый на своей постели. Борзунов дремал, утомленный бессонной ночью, а потом незаметно уснул.

Таисия лежала и прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы. Она тревожилась за Акима, он же шустрый, решит познакомиться с какой-нибудь девчонкой, а ребята в отместку могут его отлупить. А у него с собой пистолет.

Но волновалась она напрасно. С девчатами он, конечно же, познакомился, даже на танцах побывал, а потом гулял с ними до самого утра. Зато на следующий день проспал до позднего вечера.

Утром Тая встала раньше всех. Сама приготовила мужчинам завтрак и ждала, когда те проснутся. Она тихонько вышла на улицу и решила сходить в сад. Какого же было ее удивление, когда там она увидела собаку дворняжку, привязанную на длинную цепь.

Новгородцева шагнула к ней, присела на корточки и смело потрепала живность по шерсти.

Кабель покорно молчал, опустив морду вниз. Он словно узнал ее, виновато повил хвостом и будто хотел пожаловаться ей, как ему тут плохо живется, без его любимой хозяйки.

– Кто же тебя тут кормит? И как мне теперь с тобой быть? – смотрела на него девушка.

Но сразу смекнула, что животное, скорее всего, сильно проголодалось, и вернулась в дом. Она осторожно прошла к холодильнику, чтобы никого не разбудить, набрала в миску еды и

снова заторопилась в сад. Там подошла, поставила миску перед собакой и решила пройтись по саду.

В небе ярко светило солнце. Где-то в глубине сада заливался на все лады голосистый соловей. Жужжали пчелы, перелетая с цветка на цветок и пролетая над головой. Молодая поросль свежей травы зеленью стелилась по всему саду. Желтые одуванчики раскрывали свои бутоны. И словно сама природа постилала ей под ноги самотканый ковер.

Скоро зацветут садовые деревья. Накроются белым покрывалом подвенечного наряда. И тогда здесь будет необыкновенно красиво. Уже появились первые распутившиеся цветочки на грушах. Маленькие вишни стояли все в цвету, а большие еще не спешили раскрывать своих соцветий. Зацветали сливы, покрываясь белыми бутонами. И только яблони, затаив дыхание, еще только готовились украсить свои ветви белоснежно-розовым нарядом, изредка выбросив розовеющие лепесточки.

Тая любовалась этой красотой, вдыхала этот необыкновенно чистый и весенний воздух всей грудью и не могла надыхаться.

– Красота-то какая! – проговорила она, оглядываясь вокруг. – Даже грядки тетя Маруся успела посадить, – с грустью заметила девушка.

А сама еще долго бродила по тропинке и была рада, что приехала сюда. Здесь почему-то хотелось жить, а там в Москве нет. В душе верила и надеялась, что, пожив здесь какое-то время и набравшись сил и этой удивительной тишины, она сможет вернуться домой, и всё ей там покажется совсем другим.

– Таисия! – послышался от дома голос Саша. – Ты где? – громко позвал её Борзунов.

– Я здесь! – отозвалась она. – Иди в сад!

Он распахнул калитку и с улыбкой зашагал ей навстречу. Но заметив собаку, мужчина удивленно взглянул на девчонку и, подойдя ближе, остановился и спросил:

– Как зовут эту живность?

– Понятия не имею, – пожалала она плечами.

– И как теперь с ней быть? – кивнул он на псину.

– Пока буду здесь жить, буду кормить. А потом постараюсь пристроить ее куда-нибудь.

– Правильно, и охранять тебя будет, – обрадовался он ее решению.

А сам осторожно присел перед псом на корточки, но близко подходить боялся.

– Как там тебя зовут? – спросил он, разглядывая его со всех сторон.

– Надо будет у теть Нины спросить, как ее зовут, – решила Тая.

Александр Викторович встал во весь рост, осмотрелся по сторонам и с восхищением заключил:

– Красота-то какая! Я такого давно уже не видел.

– И воздух чистый и по-весеннему сладкий, – любясь красотой весеннего сада, поддержала его Таисия. – В эту пору все меняется даже в природе. Ведь такой приятный запах бывает только весной.

– Как здорово, что мы приехали сюда именно сейчас, – радовался Саша этому удивительному месяцу мая. – Я согласен с тобой, в Москве такого не увидишь.

Они стояли рядом и понимали, что жизнь продолжается и надо жить дальше. И всему подтверждение – эта чудная погода, эта удивительная и цветущая природа, и весна! С ее ароматами, с ее одуванчиками и мать-и-мачехой, с ее цветущими садами, с пением соловья, со звонким щебетанием жаворонка и запахом костра.

Через несколько минут они уже сидели на террасе и завтракали. Борзунов нахваливал яичницу, а Тая смотрела на него своими зелеными глазами, понимая, что ничего особенного в ее яичнице нет. Допивая свой кофе, она вдруг предложила:

– Давай сходим на речку. Там есть подвесной мост, мы раньше с мамой ходили туда гулять.

– Давай, – согласился мужчина. – Можем прямо сейчас и пойти. Дел у нас с тобой никаких нет, прогуляемся и посмотрим здешние места.

– Тогда доедаем и идем.

Вскоре пара медленно брела по селу и мило между собой беседовала.

Он высокий, красивый и статный, одет стильно и модно – в светлой рубашке с коротким рукавом, в темных брюках и начищенных до блеска кожаных туфлях. На руке дорогие швейцарские часы – подарок друга-банкира.

Она в летнем черном платье, приталенного покроя, в черных туфлях на высоком каблуке, в руках черная сумочка, а на голове разместились солнцезащитные очки. Её русые волосы каскадиком спадали на её хрупкие плечи, а на лице отразились грусть и печаль.

Местные жители обращали на них внимание, провожая пару долгими пристальными взглядами. Многие оглядывались им вслед, не скрывая своего любопытства.

По дороге пронесся КамАЗ, обдавая симпатичную парочку теплым весенним воздухом.

– Видал, Ваня? – усмехнулся Федор. – А ты в гости собрался зайти! Сходи! Он тебе не только ребра переломает, но и башку оторвет за нее!

– Да ладно! – протянул в свое оправдание парень, – я так сказал, ради прикола.

– Будет тебе приколы, когда на костылях прыгать будешь! – засмеялся Тополь, обнажая свои белоснежные зубы.

Проезжая мимо дома Никифоровых, мужчины обратили внимание на черный «Лексус», что стоял припаркованный у калитки, и снова съязвил:

– Ты спрашивал, откуда у таких молоденьких девушек дорогие машины? Вот отсюда, Ваня! Тебе за всю жизнь не заработать столько!

– Да мне и не нужна такая.

– Не нужна, потому что у нас с тобой на нее денег нет! А вот были бы у нас с тобой деньги, и была бы нужна! – разъярил его Федор.

Но видя, что тот немного сник, решил его подбодрить:

– Да, не грусти ты! Наши девчата не хуже. Я за тебя Ксюху свою замуж отдам. С условием, что ты ее не обидишь.

– Она на меня даже не смотрит.

– А нравится?

– Очень, – признался парень.

– Вот вернешься с армии, я сам вас под венец поведу.

– Сам сначала сходи, – буркнул с обидой Иван.

– Цыц! – грозно зыркнул на него Федор. – Мал еще мне указывать!

На этом их разговор был закончен. А Якимов еще долго думал о той парочке, что повстречалась им на дороге...

У самой речки Тася скинула туфли и пошла по молодой прохладной траве, ступая босыми ногами.

Шумная река несла свои воды вниз по течению. Вдоль берега зеленел густой ивняк, а низина вся сплошь накрылась желтым ковром одуванчиков.

В небе парили жаворонки, наполняя округу своими нежными голосами. Где-то вдалеке куковала кукушка. Тут же пронеслись стайкой воробьи и скрылись в ближайшем кустарнике.

Борзунову вдруг захотел остаться здесь с Таисией, быть с ней рядом, поддержать ее, помочь управиться с делами и уже потом вместе вернуться в Москву. А еще любоваться и наслаждаться этой красотой, этой удивительной тишиной, этой чудной природой и ее нежными сочными красками. Но понимал, что в этот раз он точно не сможет этого сделать, потому что надо срочно возвращаться в Москву, так как завтра состоится совет директоров, и пропустить такое важное заседание он не имел никакого права.

Они медленно подошли к подвесному мосту и остановились.

– Как же здесь купаются, при таком течении? – спросил Александр Викторович, глядя вниз на бурно несущуюся воду.

– Там подальше есть поворот и заливчик, его еще называют Тихой заводью. Вот там и купаются все, – пояснила девушка и первая ступила на мост.

Тот сразу зашатался, заходил ходуном, заскрипел, и Новгородцевой стало весело. На ее бледном личике появилась неподдельная и веселая улыбка.

– Иди же, – поманила она мужчину к себе, – не бойся.

– Это кто еще боится! – возразил он и смело шагнул за ней.

Тася зашпешила вперед, держась за веревку ограждения, слегка качнула его, подпрыгнув на месте, потом попыталась убежать от Саши, но расходившийся во все стороны мост не дал ей этого сделать.

Мужчина догнал ее и сразу схватил за руку, а сам держался за канат, не желая свалиться в воду. Увлеченные своей игрой, они не заметили, что с противоположной стороны берега с трудом передвигалась пожилая женщина. Когда они ее увидели, то было поздно, мост расшатался так сильно, что его невозможно было остановить, и нужно было время, чтобы он успокоился и пришел в спокойное состояние.

Подойдя ближе, старушка с упреком стала их отчитывать:

– Ладно она девчонка, а вы взрослый человек, а хуже маленького дитяти! Чуть в реку не свалили старую бабку!

– Простите нас, пожалуйста! – стал извиняться Саша. – Мы вас не заметили, правда-правда!

– Да, где уж тут заметить! Одна любовь в голове! – грубо ответила женщина и пошла мимо них дальше.

Проводив ее виноватым взглядом, Борзунов взглянул на Таисию и тихо спросил:

– Может, у нас и вправду с тобой любовь?

– Саш, – с упреком посмотрела на него девушка и отвела взгляд в сторону, – опять ты за свое... Давай потом поговорим на эту тему.

– Ты заметила, как нам с тобой легко и хорошо вместе? И в жизни будет так же.

– Все это уйдет, как только мы переступим эту черту. Я не хочу терять этих чистых отношений. Потом мы поссоримся, а со временем разбежимся.

– Откуда такие мрачные прогнозы?

– Я пока не готова к другим отношениям, – тихо говорила Тася, глядя на воду. – Боюсь, что потом я останусь совсем одна.

Он засмотрелся на нее, а сам уверенно пообещал:

– Я все сделаю, чтобы мы не ссорились.

– Пожалуйста! – попросила она и вздохнула.

Они стояли совсем рядом, эта девчонка сводила его с ума. Он любил ее какой-то особенной неземной любовью, знал про неё всё и очень дорожил этими отношениями. И готов был ждать сколько угодно, лишь бы потом она была его женщиной, его верной и надежной спутницей.

Пара долго гуляла по берегу, рассматривая окрестности и любуясь красотой природы.

Река бурно несла свои воды вниз по течению, и только у Тихой заводи было спокойно и тихо.

Ярко светило солнце над головой. Дул легкий весенний ветерок. Кругом ни души. И только звонкий соловей насвистывал в кустах, давая понять, что они тут не одни.

Тася остановилась и прислушалась, стараясь понять, откуда доносилась трель этой чудной птицы. Она шагнула в ивняк и увидела там соловья.

Но птичка мгновенно умолкла, резко вспорхнула и улетела ближе к воде, усевшись на другой куст.

– Ну вот, спугнула, – с грустью проговорила она и пошла обратно.

Но пичуга снова расщебеталась, перелетая с ветки на ветку, словно хотела прогнать их, оповещая парочке, что это её место и её пространство.

– Волнуется! Наверное, птенцов выводит, – тихо шепнул Саша.

– Не будем их тревожить, – тихим голосом ответила Тая, и они пошли дальше.

Домой они вернулась ближе к обеду. Аким еще спал. Александр Викторович понимал, что скоро надо будет уезжать, и его сердце заняло таской и нескончаемой печалью. Но вида мужчина не подал, не любил ныть и ждть, что его пожалеют и утешат. Он сильный, а сильные умеют держать себя в руках. Оставлять здесь девчонку одну жутко не хотел, но вынужден согласиться с её решением, потому что напором и упреками здесь ничего не докажешь.

Поздно вечером они распрощались, и Борзунов уехал.

Таисия осталась одна в доме и на удивление всю ночь проспала крепким сном.

Глава 5. Неудачная прогулка

На следующий день началась ее новая жизнь в Никулино. Она сразу перемыла полы в доме, перестирала белье, навела везде порядок и все это время думала: «Куда пристроить собаку»? Решила спросить у Нины Ильиничны, вдруг она знает, кому нужен охранник в дом.

Женщина ее выслушала и заверила: раз не найдется для Дозора нового хозяина, то возьмет его к себе. Но пообещала порасспрашивать у знакомых и соседей.

Тая прополола траву в огороде, облагородила цветники, а ближе к вечеру полила грядки, понимая, что пока она тут, то будет за всем следить и ухаживать.

Наступил вечер. Дома было скучно. И девушка засобирилась прогуляться по селу. Она вышла за калитку и медленно побрела по тропинке в сторону центра. А сама шла и размышляла над тем: кому продать дом. Умом понимала, что он вряд ли ей пригодится в будущем, а приезжать только летом в отпуск – было не совсем удобно. Да и надо ли вообще теперь сюда наведываться, когда здесь совсем никого не осталось.

У самого входа перед Домом культуры, под большим раскидистым кленом, за длинным железным столом, сидела и стояла большая толпа мужчин и молодых парней. Именно в эти минуты здесь шла азартная игра. Мужики долбили домино об стол, и кто-то громко выкрикнул:

– Рыба!

– Ес! Опять вы проиграли! – засмеялся громко один из игроков, поддразнивая соперников.

Тася невольно взглянула в их сторону, но снова увлеклась своими мыслями, медленно двигаясь вперед и думая о своем.

Неожиданно из-за поворота выехал мотоциклист, за рулем которого сидел чубатый парень, а за ним второй, чуть помоложе. Он с ревом понесся по селу, приближаясь все ближе.

Поравнявшись с ней, молодой человек резко затормозил и весело произнес:

– Какая девочка у нас появилась! Вау!

Он заглушил мотор и, оглянувшись к товарищу, через плечо спросил:

– Мартын, ты знаешь такую?

– Не-а! – лыбился тот, разглядывая ее с головы до ног.

Новгородцева хотела уйти, но Костин схватил ее за руку и потянул к себе.

– Пусти! – попыталась вырваться она.

– Может, познакомимся? – ухмыльнулся он, нахально зыряка прищуренными глазами по ее стройной фигуре.

– Или потанцуем! – предлагал Мартынов, поддерживая друга и играя на публику.

Тая заметила, как под раскидистым кленом враз смолкли все голоса. Мужики мгновенно притихли, слушая и наблюдая, как эти два нахала нагло пристают к ней. Ей стало обидно, неужели никто не вступится за неё? Неужели эти два хулигана, прямо средь бела дня, вот так

нагло могут остановить любую девушку и пристать к ней на виду у многочисленной публики? А ведь там сидели мужчины, здоровые, крепкие, здравомыслящие!

Но тут сзади послышался грубый мужской голос, и ей показалось, что она раньше где-то его уже слышала.

– А ну, отпустили девчонку! – рявкнул Федор, подходя ближе.

– Да мы пошутили, дядь Федь, – стал испуганно оправдываться Костин, мгновенно выпустив её руку. – Видим, идет такая красавица, решили познакомиться.

– А она хочет с вами знакомиться? – строго спросил Тополь и взглянул на москвичку, видя и понимая, что нет.

Тася растерянно мотнула головой и поспешила заверить:

– Нет!

– Слышали?! А она не хочет с вами знакомиться! – вновь гаркнул на них мужчина. – Решили обмануть меня? – наступал он на парней, намереваясь немедленно прочесть их, чтобы не портили людям вечер.

Те враз умолкли, осознавая и понимая, что именно сейчас и при всех могу получить от Тополя трепку.

– Иди, они тебя больше никогда не тронут, – сказал Федор, глядя на девчонку.

Испуганно оглядываясь назад, Таисия пошла обратно, стараясь поскорее уйти с этого места.

Парни тоже попытались уехать. Но не тут-то было, мужчина приказным и грозным тоном остановил их:

– Куда?! Стоять!

Новгородцева вздрогнула от такого резкого голоса и остановилась, а сама моментально обернулась назад и замерла, не зная, как поступить дальше.

– Иди-иди, это я им сказал! – как можно спокойнее пояснил ей Тополь.

Девушка повернулась и заспешила вперед, боясь даже оглянуться.

А Федор мгновенно и с силой схватил смельчака за грудки, приподняв его с мотоцикла, и прямо в лицо угрожающе спросил:

– Девчонку видал?!

Страдая от сильного удушья, Мартынов живо закивал головой.

– Запомни, хоть раз увижу или узнаю, что ты к ней подкатывал, или ты! – рявкнул он на Костина, зажатого между рулем и другом. – Суда не будет! Вы меня знаете!

– Больше не будем... – испуганно щебетали те, перетрусив от таких угроз.

– У неё такое горе, а тут вы еще салабоны пристаёте!

– Мы ее не узнали... – лепетали «смельчаки», зная и понимая, что Тополь никогда не шутит и угрозы просто так не раздает.

Мужчина помолчал, как бы обдумывая, верить им или нет, а потом в очередной раз предупредил, глядя то на одного, то на другого:

– Не увижу сам, мне скажут, тогда берегитесь!

Спесь враз слетела, и парни были похожи, скорее, на побитых щенков, чем на крутых и смелых кавалеров.

Под кленом раздался громкий хохот, а кто-то весело выкрикнул:

– Попали под раздачу!

– Поучи их, Федя, поучи! И не верь, не верь им! Сейчас отъедут и за старое! – весело наставлял его Семенов.

Снова раздался дружный смех. Тополь скрыл свою улыбку под пышными усами, напуская на себя строгости, а потом нехотя отпустил ребят и пошел играть в домино.

Подходя ближе, он с упреком спросил:

– Что ржёте? Не могли за девчонку заступиться?

- А кто это такая? Мы не знаем! – разводя руками, отозвался Гринин.
- Никифоровой внучка пожаловала, – пояснил кто-то из толпы.
- А что же она на похороны не приехала? – переспросил Карпов.
- Говорят, телеграмму не получила.
- А я сегодня на почте был, – весело поведал молодой паренек, – а туда тетя Нина Ильина пришла. И она так с ними ругалась по этому поводу! Грозилась всех уволить.
- Эта уволит! – заверил всех Семенов.
- Все дружно засмеялись, а Киреев поспешил пояснить:
- Так... и она телеграмму не получила, и они тоже! Тетя Нина там такую разборку устроила! Всех построила! Тимохина вся затряслась, кричит: «Не моя вина! Я, говорит, к ним телеграмму передала, а почему они ее не получили, не знаю»!
- Да, – протянул Федор, – они не передали, а девчонка не знала, что её тут еще одно горе ждет.
- Может, оно и к лучшему, – стал размышлять Карпов, – узнала бы, совсем плохо стало.
- Да ей и так плохо было. Медичку вчера вызывали, – задумчиво ответил он.
- Да-а, дела, – протянул Семенов, качнув головой.
- Ну что, играем? – спросил уже веселее Тополь.
- Играем, – подхватили мужики, и за столом вновь началась азартная игра.

Глава 6. Настенька

Гулять по селу Тая больше не ходила, не желая попадать в такую неприятную историю. Все последующие вечера она проводила дома, сидя за чтением книг, которые нашла в старом комодке.

Как-то вечером к ней зашла в гости Ильина. Они вместе поужинали, а проводив женщину, Новгородцева стала убирать со стола. Она сразу вспомнила про собаку и решила ее накормить.

Собрав оставшуюся еду в тарелку, девушка поняла, что этого будет маловато для псины, и посчитала, что туда надо еще что-нибудь добавить. Она достала из холодильника пачку сосисок, отварила их и всё вместе понесла Дозору.

Тася поставила миску перед собакой, а сама тихонько пошла по саду, разглядывая и наслаждаясь этой удивительной красотой природы.

В кустах заливался, щебетал соловей. А где-то за садом были слышны детские голоса. Скорее всего, там местная детвора играла в прятки.

– Раз, два, три, четыре, пять, – громко выкрикивал мальчишеский голос, – кто не схоронился, я не виноват!

Она тихонько подошла к забору и присмотрелась: через ограждение было видно, как мальчишки и девчонки убегали в разные стороны, намереваясь немедленно спрятаться – кто и где мог. Она стала наблюдать за игрой и, увлеченная этим занятием, заметила, как вода пошел от сада, разыскивая спрятавшихся от него друзей.

А те, ползком или бегом, где-то короткими перебежками, уже неслись со всех сторон, чтобы прибежать первыми.

Вода всегда запаздывал и прибежал позже, мальчик очень расстраивался и с досады стучал своим кулачком по большому старому дереву.

Подсматривая за ребятами, Тая вспомнила, как она приезжала сюда в детстве и с соседскими детишками тоже играла в прятки. От таких воспоминаний на душе стало весело. Однажды она пришла домой в порванном платье, потому что забралась на дерево в надежде, что ее никто там не найдет. А когда стала слезать обратно, то зацепилась за сук и оторвала почти весь подол у платья, которое ей очень нравилось. Она наотрез отказалась играть дальше, понимая, что надо идти домой и получать от мамы выговор за испорченную вещь.

Но Любовь Михайловна ругать дочку не стала, а только посмеялась над ней и ласково сказала:

– Все равно ты из него почти выросла, будет повод купить тебе новое.

– Я это хочу, – плакала маленькая Тася.

– Будут у тебя еще красивее наряды, не плачь, – встряла в разговор тетя Маша. – Вот пойдем с тобой в наш магазин и купим тебе столько платьев, рви сколько хочешь!

– А там есть такое же красивое? – уже тише всхлипнула в ответ девочка.

– Там еще красивее есть! – успокаивала ее тетка.

На следующий день они все вместе сходили в магазин и купили ей сразу три платья, одно мама, а два тетя Маруся. Тая светилась от счастья, примеряя их у зеркала. Но играть в прятки она больше не ходила, слишком жалко ей стало свои обновки.

Новгородцева внимательно наблюдала за детишками и очень хотела подсказать воде, где все прячутся. Но молчала, понимая, что так будет не совсем честно.

Отвлек ее от этого занятия детский плач, который неожиданно послышался со стороны дома.

Таисия резко обернулась, чтобы посмотреть, кто там может плакать, и увидела у будки Дозора маленькую девочку. Она сразу побежала туда, понимая, что ребенка, скорее всего, укусила её собака, и не ошиблась. Подбегая ближе, она увидела в руках у малышки сосиску, а собака стояла рядом и рычала, опустив морду вниз. На правой кисти девчушки появилась кровь.

– Дозор, что ты натворил! – закричала Тая, подхватив малявку на руки.

Та ревела, не умолкая, но сосиску из рук не выпускала.

Девушка бросилась с ней домой, усадила горемыку на диван, а сама мгновенно метнулась к аптечке. Она нашла там все необходимое, проворно вернулась обратно и стала аккуратно промывать рану перекисью водорода.

Девочка была такой чумазой, в стареньком нестираном платьице, волосики светленькие, но давно немытые и нечесанные. Она сопротивлялась, отдергивая ручку, кричала, но при этом пыталась укусить сосиску.

Тася не давала ей этого сделать, отодвигая то и дело руку с сосиской в сторону. Сердце девушки сжалось до боли. Она с трудом забрала из рук ребенка сосиску, но та завопила пуще прежнего и с визгом потребовала:

– Дай!

– Это нельзя есть, я дам тебе другую, – стала уговаривать она.

Пришлось приложить много усилий, чтобы сделать ей перевязку. Потом взяла ее на руки и спешно пошла на кухню. Там подошла к холодильнику, распахнула дверцу, достала оттуда кусочек колбасы и подала ей.

Малышка как-то сразу замолчала и стала есть колбаску, изредка всхлипывая и поглядывая на незнакомую ей тетю.

– Как тебя зовут? – попыталась узнать у неё Тая.

Девочка молчала, только смотрела на нее, изредка всхлипывая, а сама с аппетитом жевала колбасу. Потом доела и вновь потребовала:

– Еще дай.

Таисия достала еще кусочек, подала ей и отправилась к соседке, чтобы спросить, чье это сокровище. А сама понимала, если малышку умыть, а еще лучше искупать, то она очень даже симпатичненькая.

– Нина Ильинична, – позвала она от калитки, – вы дома?

Ильина выглянула из окошка и ахнула, завидев на ее руках Настю. Женщина проворно появилась на крыльчке и сразу же спросила:

– Откуда она у тебя взялась?

– Вы знаете, чей это ребенок?

– Шуркина. Шурки Бобровой Настя! А что случилось-то? – поинтересовалась та, глядя на забинтованную ручку девочки.

– Дозор укусил. Она хотела у него сосиску отнять.

– Батюшки! – всплеснула руками Ильина. – Да они ж все голодные! Шурка сама-то пьет сильно, а они там с бабкой. А у той ноги совсем больные. Разве она за ними уследит? Вот и бегают где попало.

– Что же мне теперь с ней делать?

– Надо медичке показать! Кто знает, вдруг укол какой сделает.

– А где взять медичку?

– Она тут рядом живет, через четыре дома, – пояснила соседка и стала объяснять, как ее найти.

Не раздумывая, Новгородцева отправилась с девочкой по указанному адресу.

Медсестра была дома. Сразу отложила все дела по хозяйству, быстро осмотрела рану и сделала новую перевязку. А сама успокоила, что делать укола не надо, потому что знала, что собака была привита от бешенства этой весной. И только попросила:

– Вы отведите ее домой, а то опять куда-нибудь влезет.

– Да, конечно. Только... я не знаю, где они живут, – смотрела на неё Тая растерянно.

– Тут по улице пройдешь до конца, – стала объяснять ей Людмила Сергеевна, – там свернешь вправо и выйдешь на соседнюю улицу. Их дом третий. Увидишь, – махнула она рукой, – там у дома бардак вечный, его нельзя не заметить.

– Думаю, найду, – пожимая плечами, согласилась она.

– Сама-то как? – осторожно спросила женщина.

– Уже лучше. И спасибо вам за помощь, – тихо поблагодарила Тася и шагнула к выходу.

– Обращайся, если надо будет.

– Хорошо, – улыбнулась девушка и вышла на улицу.

Там опустила Настю на землю, и они тихонько пошли по селу.

– Колбасы еще дашь? – спросила девочка, глядя на нее снизу голубыми глазенками.

– Дам, – пообещала она.

– Много дашь?

– Много дам.

– Не обманешь?

– А ты не будешь больше у собачек сосиски воровать?

– Не буду, они кусаются, – заверила ее Настя.

Они медленно брели по селу. Тая попутно интересовалась у прохожих, как пройди к дому Бобровых? А малышку все узнавали и спрашивали:

– Настена, что это ты натворила? И что у тебя с ручкой? Куда ты успела еще влезть?

– Меня собака покусала! – звонко ответила девочка.

Таисия с умилением смотрела на ребенка и крепче сжимала ее ручку в своей ладони.

Вскоре они подошли к большому кирпичному дому, с пристроенной к нему просторной верандой. Во дворе много мусора. Кругом валялись сломанные игрушки. У забора горкой стояла ненужная старая мебель, и от этого было как-то неуютно. На окнах висели грязные скрученные шторы, и совсем серая тюль. Все двери нараспашку, заходи кто хочет.

Робко ступая, Тася шагнула на веранду.

– Есть кто дома? – громко позвала она хозяев, надеясь, что ее услышат и выйдут.

Но в ответ стояла тишина.

Настя потянула ее за руку и сказала:

– Мама спит.

Сзади слышались шаги, к ним подбежал мальчик лет шести и сразу же набросился на сестру с упреками:

- Ты где была? Я уже от Кости за тебя подзатыльник получил!
- Ее собака покусала, – вступилась Тая за девчущку.
- А вы кто? – спросил мальчик, воинственно глядя на неё.
- Меня зовут Таисия. Я Никифоровой тетя Маши племянница, – ласково пояснила она.
- Что ж ты на похороны опоздала? – строго спросил ее Слава.
- Так получилось... – растерянно ответила она.
- Иди к бабушке, – скомандовал он сестре и стал выталкивать ее на улицу.
- А где ваша бабушка живет? – успела спросить Новгородцева и пошла за ними.
- Через дорогу, – ответил паренек и остановился. – А вы могли бы ее сами домой отвести?

А то меня там ребята ждут.

- Могу, – охотно согласилась она.
- Тогда я побежал, – быстро сказал Славик и пустился наутек, выбегая через распахнутую калитку.

Вскоре он скрылся в соседнем проулке в зарослях акации, веря и понимая, что сестренку доведут до бабушки и без него. А он отпрапортует старшему брату, что сестра доставлена к дому, так как был уверен, что эта тетя никак не могла его обмануть и обязательно отведет Настю по указанному адресу.

Уже заметно темнело. Тая взяла девочку за руку, и они пошли через дорогу. Она открыла калитку, вошла во двор и шагнула по тропинке, оглядываясь по сторонам.

Здесь было чисто и уютно. В палисаднике распустились бело-желтые нарциссы, и их крупные бутоны виднелись даже в сумерках надвигающейся темноты.

Они подошли к двери. Тускло горела лампа над входом. У крылечка на лавочке сидела не совсем старая женщина, а рядом с ней лежали два костыля.

Завидев внучку, та всплеснула руками и в недоумении спросила:

- Откуда вы ее привели бедолагу? И что у нее с рукой?
- Собака покусала. А медсестра сделала перевязку, – пояснила Тая, взглянув на малышку.
- Горе ты мое, иди ко мне! – покачала головой Боброва, поманив ее к себе.

А сама взяла ребенка на руки, усадила её на колени и, прижав к себе, поцеловала в макушку.

- Разве ж я за вами угонюсь! – стала ругать она Настю. – Куда ж ты убежала?

Потом посмотрела на нежданную гостью и стала ее благодарить:

– Спасибо вам большое, добрая душа. Ножки у меня совсем больные, не могу смотреть за ними как надо. А Шурка, сноха моя, совсем спилась. Ей и дети теперь не нужны, – стала жаловаться Боброва на судьбу. – Сын мой Сашка погиб два с половиной года назад. Шурка как раз Галей беременная была. Она сразу после похорон и запила. Вроде... понемногу сначала, а потом и совсем пить стала. Галинка родилась слабенькая, ножки плохенькие, она и до сих пор плохо на них стоит, всё дома со мной сидит. Я ее уже спать уложила. Обстирать, обмыть, сил у меня уже не хватает. Родственники и соседи твердят: сдай в детдом, навещать будешь. А как же я их сдам, когда у меня кроме них... никого нет... Кровиночки мои... – сказала женщина дрожащим голосом и заплакала. – Хорошо хоть... Федор помогает, – стала утирать она слезы рукой. – Своих-то ребятешек Бог не дал, так нам помогать взялся. Сказал, что детей друга не бросит... Они шибко хорошо дружили с моим сыном! Без него мне было б тяжело совсем...

Сердце девушки сжалось от боли за эту несчастную женщину. Она слушала ее рассказ и не знала, как утешить.

- Ты чья будешь-то? – спросила Анна Филипповна, разглядывая ее всю.
- Никифоровой тетя Маши племянница, – тихо пояснила ей Тая.

– Ой! – всплеснула рукой Боброва, меняясь в лице. – Мне сегодня рассказали, у тебя у самой горе-то какое! А ты держись, держись, голубушка! Все мы там будем. А живому о живом думать.

– Держусь, – вздохнула она. – Может, вам помощь какая нужна? Я могу помочь.

– Да нет, деточка, всё есть. А что грязные, так умою, и будут чистые.

На тропинке от калитки послышались чьи-то шаги. Было слышно, что идет взрослый человек. Они сразу притихли, настороженно поглядывая в ту сторону и ожидая появления гостя или гостей.

Вскоре из-за угла вышел Федор, а в руках он нес два больших пакета с продуктами. Мужчина очень удивился, увидев москвичку здесь, но ничего не спросил, не любил влезать в чужие дела, мало ли зачем пришел человек.

– Добрый вечер, – сказал он громко. – Вот, был сегодня в городе, накупил ребятишкам всякой всячины.

– Дядя Федя, а меня собака укусила, – пожаловалась ему Настя.

– Где же эта скотина бегает? Я ее завтра застрелю! – грубым голосом погрозились Тополь, стараясь поддержать ребенка.

– Она не бегает, она у нее в саду привязана, – ответила девочка, указав пальчиком на Тасю.

После таких угроз в адрес Дозора, Новгородцева так растерялась, что не могла скрыть своего испуга.

Федор заметил ее волнение и как можно спокойнее рассудил:

– Ну, тогда придется её по-другому наказывать.

– Она меня колбасой вкусной угощала и еще обещала дать, – призналась Настенька, глядя на Таисию

– Может, тогда не будем наказывать собачку? Ты же получила уже свой гонорар, – предложил Тополь и вошел в открытую дверь.

Он поставил пакеты на стол и сразу вышел обратно.

– Ну как, оставим Жучку в покое? – вновь переспросил он и подхватил девочку на руки. А сам поднял ее высоко вверх, подбросил несколько раз и стал с ней играть.

Настя смеялась и визжала от удовольствия и внимания к ней, напрочь забыв о ранах на руке.

– Извините, я пойду. До свидания, – сказала Тая, понимая, что сейчас лучше уйти и не мешать людям.

Она повернулась и пошла по тропинке, в душе осознавая, что свою миссию она выполнила – доставила ребенка и сдала на руки любящей ее бабушке.

– Ночь на дворе, все собак спустили, – остановил ее грубый мужской голос. – Не боишься одна идти?

Она оглянулась и, пожимая плечами, честно призналась:

– Боюсь. Но идти надо.

– Я провожу, – сказал Федор и поставил девочку на землю. – Нам все равно немного по пути.

А сам попрощался с Анной Филипповной и Настей, пообещал, что зайдет к ним завтра, и, пропустив девушку вперед, побрел за ней следом.

– А где вы живете? – полюбопытствовала Тася.

– На соседней улице. Если пройти огородами, то совсем рядом. Вот и пройду сегодня огородами, – пояснил он.

Они вышли со двора. Тополь закрыл за собой калитку на крючок и пошел рядом с ней.

Некоторое время пара шла молча. К вечеру заметно похолодало. Таисия слегка поежилась, а потом вдруг вспомнила и сказала:

– А я хотела вас поблагодарить.
– За что? – не понял мужчина, взглянув на нее с удивлением.
– За тот раз, когда вы меня от мотоциклистов спасли.
– Я просто проходил мимо и сделал то, что должен был сделать каждый нормальный мужик, – скромно ответил он,
– Все равно спасибо, – поблагодарила она тихим голосом. – И там у церкви, вы тоже мне помогли, спасибо большое. И у дома в первый день, когда мне было плохо.

– Больше никто не обижает?
– А я теперь и гулять боюсь, дома сижу.
– Ну, это ты зря! Гуляй и никого не бойся! А если кто тронет, ты им скажи, что все расскажешь мне.

– Я даже не знаю, как вас зовут, – смущенно призналась девушка. – И вообще, что обо мне люди подумают, если я так отвечать стану.

– Людям иногда полезно думать, а то мозги усохнут! – ответил он с улыбкой. – А зовут меня Тополь Федор Степанович. Можно просто – Федор.

– Какая фамилия необычная – Тополь. И красивая.

– Да, я и сам ничего! – весело пошутил мужчина.

На его шутку Тая ничего не ответила. Мужчина и впрямь был красив собой, сказать нечего, но говорить ему об этом она не решилась. Он был ей совсем незнакомым, и про его намерения она тоже не знала.

Они медленно подошли к дому и остановились у калитки.

Тая повернулась к нему и осторожно спросила:

– А вы не подскажете, где здесь можно заказать ограду на могилку?

– В кузнице. Придешь к нашему кузнецу, он покажет тебе эскизы. Ты выберешь, какой понравится, и он выполнит любой твой заказ. Знаешь, где у нас кузница?

– Найду, – тихо отозвалась она.

– Решила поставить тетке оградку?

– Да, поставлю и тогда поеду в Москву.

– Я рад, что тебе лучше. И смотрю, ты немного повеселела.

– Спасибо вам большое, Федор Степанович, что проводили меня, – поблагодарила она, – и спокойной вам ночи.

– И тебе спокойной, – ответил он.

А сам резко повернулся и уверенной походкой зашагал вперед и уже вскоре скрылся в темноте.

Тая спешно ушла в дом, сразу включила свет и закрыла за собой дверь. Потом медленно прошла в комнату, упала на кровать и задумалась. Пред глазами стояла та девочка Настя, с сосиской в руках, ее дом – весь нараспашку, ее больная, почти безногая бабушка с костылями, ее брат, который куда-то убежал и гуляет по темноте. Все это казалось ей не вполне нормальным и неправильным. Горем убитая мать пьет и не может выйти из этого состояния. Муж погиб, когда она была беременна, а у бабушки на нервной почве отнялись ноги. Ей стало жаль этих деток, их бабушку, на которую свалилось столько бед, и ту женщину, которую она даже ни разу не видела. Тая попыталась поставить себя на ее место и пришла в ужас. Что делать в такой ситуации? Сильная женщина поплачет и остановится, а слабая захандрит и пропадет. По себе понимала, как тяжело перенести утрату близкого и дорогого тебе человека, и как страшно остаться одной. А пятерых ребятишек надо обуить, одеть, прокормить и выучить. Ей вдруг захотелось помочь этим людям, не зная, чем и как, но попытаться хоть что-то для них сделать. Пусть не для них, а хотя бы для деток.

Следом она вспомнила Федора, его грубый голос, его пронизывающий умный взгляд, и улыбнулась. Было понятно, что в селе его побаиваются и уважают. Появилось желание – узнать

о нем побольше и понять, что он за человек? Но вскоре она отогнала мысли о нем и незаметно уснула...

Глава 7. Шура

Утром Тасю ждал новый сюрприз. Она открыла глаза и слегка потянулась, следом посмотрела на часы ходики, что висели над кроватью, стрелки показывали четверть десятого. Она поняла, что пора просыпаться, и, резко откинув одеяло в сторону, встала и босыми ногами направилась на кухню. Там включила чайник и решила, что сегодня же съездит в кузницу и закажет там оградку. Кто знает, сколько её станут делать, а ведь скоро нужно будет возвращаться в Москву.

Чайник согрелся быстро. Тая достала из холодильника готовые бутерброды, налила себе кофе и пошла на улицу завтракать. Она распахнула дверь настежь, вышла на веранду и уселась прямо на ступеньки. Только приготовилась откусить бутерброд, как заметила, что за калиткой кто-то копошится. Девушка отставила чашку в сторону, присмотрелась, а сама осторожно встала и пошла по двору. Какого же было ее удивление, когда, открыв калитку, она увидела перед собой Настю. Девочка была чистенькая, волосики причесанные, в ситцевом нарядном платьице, а на ножках старенькие босоножки. В этот раз она пришла не одна, а привела с собой братика. Он выглядел чуть постарше и росточком немного повыше, но такой же белокурый и с голубыми глазками как у нее. Он стоял в шортах и маечке и внимательно смотрел в ее сторону.

– Здравствуйте, – поприветствовала она ребятшек и улыбнулась.

– Колбасы дай, – сразу попросила Настя.

– Ну... пошли в дом, – мило улыбнулась ей хозяйка и пропустила детей вперед.

Мальши прошли мимо нее и затопали по тропинке к веранде. Там проворно поднялись по ступенькам и остановились у входа.

– Проходите, – пригласила она, указав рукой на дверь.

Те послушно пошли дальше, а она забрала кружку с кофе, взяла тарелку с бутербродами и последовала за ними.

Уже на кухне Тая усадила ребятшек за стол и налила им чай. Потом нарезала и сделала много бутербродов, в надежде, что могут прийти и другие дети, и подала им. А сама присела напротив и стала их рассматривать.

Настя ела только колбаску. Она снимала ее с хлеба, заталкивала в рот и быстро жевала.

Мальчик с аппетитом уплетал весь бутерброд, стеснительно поглядывая на нее.

– Как же тебя зовут? – спросила его Тая.

– Коля, – отозвался тот с набитым ртом.

– А фамилия у тебя какая?

– Бобровы мы, – напомнил мальчик, пережевывая колбасу.

– Какая фамилия у вас звучная – Бобровы! – качнула она головой, а сама все рассматривала их симпатичных личики.

Дети вскоре наелись, разом сползли со стула и хотели уже уходить, а Настенька вдруг спросила:

– А мороженого нам купишь?

– Куплю.

– Тогда пошли в магазин.

– Ну... пошли, – пожимая плечами, согласилась Новгородцева.

Она переделалась, поменяв платье на черную облегающую юбку и такого же цвета блузку, на веранде надела босоножки на высоком каблуке, взяла сумочку, закрыла дверь и отправилась с детками по селу в сторону центра.

Магазинов в Никулино было три, не считая маленьких палаток, которые расположились, в основном, по окраинам села. Один большой – продуктовый, с вывесками и подсветками в

самом центре села. Там можно было купить всё или почти всё: вкусный свежий хлеб, выпечку, торты, мороженое, пирожное, фрукты, овощи, колбасы, и что пожелает душа.

Рядом универмаг «Березка», здесь находился большой выбор промтоваров.

Чуть подальше хозяйственный, где можно было приобрести всё для дома, сада и огорода. А также холодильники, стиральные машины и мебель на заказ.

По соседству правление совхоза, сельсовет и чуть в стороне Дом культуры. А на противоположной стороне ЗАГС. Он был построен по просьбе молодёжи. Уж больно не хотели они расписываться в сельсовете, а последнее время зачастили ездить в город, там было интереснее зарегистрировать свой союз в новеньком ЗАГСе.

Председатель подумал и решил: чем мы хуже других? Взял, да и построил небольшое здание, где теперь под звуки марша Мендельсона с удовольствием вступают в брак влюбленные пары.

Ближе к реке двухэтажная средняя школа. Через улицу детский сад и библиотека. В стороне просторная столовая и кафе. Здесь обедают рабочие, играют свадьбы, справляют юбилеи и проводы.

По выходным на центральную улицу приезжает базар. Тогда здесь бывает совсем шумно. Народ стекается за покупками, и в это время село, скорее, походит на маленький городок. А кругом гам, толкотня и куча народа.

Таисия подошла с детьми к магазину, пропустила их вперед и вошла следом за ними.

Ребятишки мгновенно подбежали к прилавку и стали выбирать, какое именно лакомство они будут покупать.

Легко ступая и цокая шпильками по кафелю, Тая шагнула к ним и склонилась над холодильником.

Молодая продавщица окинула их недобрый взглядом и спросила:

– Что берем?

– Мороженое, – отозвалась она.

– Какое? – пыталась та, наблюдая за ней.

Тася поинтересовалась у малышей, какое они хотят мороженое, те указали пальчиками, и она сразу назвала, что им надо подать.

– Благодетельница, решила всю деревню накормить? – грубо оборвала её продавец. – Они меня тут достали уже! – попыталась пожаловаться она, подавая им покупку.

– Работу смени, – тихо предложила Таисия, вставая на защиту детей.

– Что-о?! – протянула недовольно та.

– До свидания! – резко ответила она и, прихватив пакет со сладостями, поспешила с детками к выходу.

Они вышли из магазина и медленно побрели по селу, а сами счастливые ели мороженое.

– А зачем столько много? – спросил ее Коля.

– Всех угостим.

– И маму?

– И маму, – согласилась Тая, ласково взглянув на мальчика.

Мама пьет, но дети все равно ее любят. Вот и сейчас он сразу подумал про нее и очень обрадовался, что мороженого хватит и ей.

Они пришли к дому. Коля сразу куда-то убежал, а Настенька потащила её за собой, чтобы угостить мороженым маму.

Новгородцева вошла и осмотрелась, здесь было неуютно и некрасиво. Кругом валялись грязные вещи и старые сломанные игрушки. Обои кое-где ободраны и имели совсем неприглядный вид. Полы давно немытые. А на дверях и окнах висели замызганные потрепанные шторы и тюль.

В одной из комнат на кровати лежала молодая женщина. Она была одета в старый мятый халат, волосы растрепаны, и от нее сильно пахло перегаром.

Боброва не спала. А завидев дочку, она заулыбалась, радуясь ее приходу, потом перевела взгляд на незнакомую ей девушку и, приподняв голову, грубо спросила:

– Вы кто?

– Почему у вас дети одни гуляют? – строго спросила ее Тая.

Шура резко присела на кровати, опустил ноги на пол, глаза ее испуганно забегали, она посидела так немного, но затем мгновенно сползла вниз, упала перед ней на колени и запричитала:

– Не забирайте их у меня! Не забирайте! Я больше не буду пить, слово даю!

– Что вы, – растерянно смотрела на нее Тая, – немедленно встаньте!

– Я исправлюсь, – заплакала в голос женщина, – я больше не буду!

– Вы меня не за ту приняли! Я просто привела вам детей!

Тут хозяйка внимательно посмотрела на нее и стала медленно вставать с пола. А сама вновь села на кровать, вытерла ладонью слезы и сердито спросила:

– Они что-нибудь натворили?

– Нет, – мотнула головой девушка.

– А зачем ты пришла?

– Угостить вас мороженым.

– Мороженым?! – с неподдельным удивлением переспросила ее Боброва.

– Да, – ответила она, пожимая плечами.

Шура слегка поморщилась, разглядывая ее всю, немного помолчала, затем подалась вперед и страдальческим голосом заговорила:

– А выпить есть? А то все кишки огнем горят.

– Я не пью, – попыталась объяснить ей Тая.

Та слепила мученическое лицо, было видно, что ей совсем плохо, а сама стала умолять:

– А мне купи, а?

– Нет, я не могу, – отказалась Новгородцева и растерянно попятилась назад.

– Я ж помру! – жалобно простонала женщина, рукой комкая на груди свой халат. – Купи, а? Помру ведь!

– Я... не знаю... – не решалась девушка и тихонько отходила задом к выходу.

– Христом Богом прошу, помру ведь! Не похмелялась сегодня еще.

– Я... подумаю... можно?

– Подумай, – согласилась Боброва, – только быстрее! А мы с Настенькой пока мороженое поедем. Раз принесли, надо же есть, – сделала вывод она и дрожащими руками взяла пакет с лакомством.

Таисия отошла к выходу, у двери резко повернулась и зашпешила на улицу, по пути соображая: как поступить? А сама медленно двигалась по тропинке вдоль забора, на ходу размышляя: «А что если и вправду помрет? Что тогда будет с детьми?»

Дойдя до поворота, она увидела на углу палатку и очень обрадовалась, что не придется идти в центр. Она подошла, присмотрелась к ассортименту и решила купить бутылку вина. Потом подумала и прикупила еще закуски, выбрала коробку конфет, колбасы, хлеб и фрукты.

Продавец упаковала всё в большой целлофановый пакет и подала ей.

Тая рассчиталась с ней, поблагодарила и пошла обратно.

Шура ждала ее с нетерпением. Она успела переодеться в чистый халат, причесала волосы и уже сидела за столом на кухне, а сама то и дело поглядывала в окно. Хозяйка подсуетилась и убрала со стола грязную посуду, чисто протерла старую порезанную клеенку, поставила два стакана и банку соленых огурцов, в надежде, что ей удастся сейчас похмелиться.

Тая неуверенно вошла в дом, подошла к ней, с ходу поставила пакет на стол и тихо сказала:

– Вот... принесла.

Боброва резко встала и начала проворно рыться в пакете, намереваясь найти желаемое. Она спешно извлекла продукты, разложив их на столе, мгновенно нащупала бутылку, и на ее лице застыла счастливая улыбка. Дрожащими руками женщина достала вино, умело откупорила его и, кивая на стакан, спросила:

– Будешь?

– Наливай, – согласилась девушка и присела за стол.

Та разлила вино по стаканам, смерила, чтобы было поровну, отставила бутылку в сторону и сказала тост:

– Давай за нас, за баб.

– Давай, – согласилась она.

А сама выпила немного и взялась резать колбасу.

Боброва допила все до дна, довольно вытерла ладошкой губы и присела на стул. Она со вниманием рассматривала ее всю, а потом спросила:

– Что-то я тебя не припомню... Не наша, кажись?

– Никифоровой тетя Маши племянница, – пояснила ей Тая.

– Таська?! – уточнила Шура, радуясь такой встрече.

– Да, – улыбнулась она, подавая ей бутерброд. – Ты закусывай.

Бутерброд Александра взяла и даже стала медленно его есть, но потом что-то вспомнила и задумчиво сказала:

– Погоди, она ж померла! Вот... недавно.

– Да, – кивнула головой Новгородцева.

– Давай ее помянем, – предложила сразу женщина и снова налила вино в стаканы. – Дай ей Бог Царствие Небесное! Хорошая была тетка! Бывало, приду и скажу: «Теть Мань, налей чуть-чуть». И она нальет. Много не наливала, капнет чуть-чуть, а что мне надо бедной бабе?

А сама мгновенно опрокинула стакан в рот, прижала ладошку к губам и молчала.

Немного выпила и Тая, потом отставила вино в сторону и сказала:

– У тебя детки такие славные.

– Правда хорошие? – переспросила её радостно Боброва.

– Такие симпатичные, умненькие.

– А знаешь, как душа болит? – ударила та себя в грудь кулаком, а на глазах выступили слезы.

– Знаю. Но это же не выход, а еще одна проблема.

– Согласна! – кивнула Шура. – А как Сашка погиб, нет мочи жить. Нету! – качала она головой. – Нету моченьки моей! Я как опомнилась! Как представила, как я пятерых детей растить буду! В глазоньках моих все так и померкло...

– Твой муж был бы рад видеть вас счастливыми. А так, получается, ты его совсем огорчаешь.

– Огорчаю, дрянь такая, – заплакала женщина, понимая, в какой яме она оказалась.

Но снова взяла бутылку и проворно налила себе спиртное. Хотела уже подлить и ей, но, видя в ее стакане недопитое вино, удивленно спросила:

– А что ты не пьешь?

– Я не пью много. Так, чисто символически.

– Вот чужая ты, а не брезгуешь мной! – похвалила ее Александра. – Другие так плюют вслед, а ты села и пьешь вот. Вон ухоженная какая! Красивая! А не брезгуешь, почему?

Тая пожала плечами и тихо призналась:

– У меня тоже душа болит.

- А у тебя от чего?
- Мама умерла. Потом тетя Маруся. А сначала папа... Я совсем одна осталась, – пожаловалась она на свою горькую долю.
- Печально, – поддержала ее Шура. – А мне уже никто не поможет, пропила я себя, потеряла!
- Ты хорошая, просто запуталась.
- Была хорошая, да вся вышла, – покачивая головой, задумчиво смотрела на нее Боброва. – Теперь я Шурка-пьяница. Меня гонят из домов, орут, плюют вслед, а детей называют голодранцами. Родственники и те ненавидят... Одна свекровка не бросает, за детьми смотрит, кормит их... Меня подкармливает, чтоб не сдохла.
- Это не от большого ума, – попыталась успокоить ее Тася. – Хочешь, я тебе помогу?
- Чем ты мне поможешь? – усмехнулась в ответ Александра. – Ты же совсем меня не знаешь. Может, я дрянь или воровка? Может, убийца какая?
- Неправда, ты добрая, красивая, просто меры не знаешь.
- Мера! – злорадно усмехнулась Шура, вздохнув тяжело. – Нет мне теперь меры! Без Сашки нет мне жизни, все опостылело! Жить без него не хочу.
- А дети? – с грустью смотрела на нее Тая.
- Детей люблю, – гордо заявила Боброва, – они все, что у меня от Сашки осталось.
- Настенька такая красивая, такие у неё глазки голубенькие. А сама, как ангелочек!
- Правда? – не верила ей женщина.
- Правда, – подтвердила свои слова Новгородцева. – И мальчишки хорошие. Только я не всех еще деток видела, но поняла, что они на тебя похожи. Ты тоже красивая.
- Была красивая, да такой дрянью стала! – с горечью махнула рукой Шура и вновь взялась за бутылку.
- Она налила себе вина, выпила одним махом, затем перевела дыхание и стала рассказывать:
- Меня так колбасит, если не похмелюсь, самой уже надоело. Сколько раз думала: «Уж помереть бы, что ли»? А помирать страшно. Боюсь помирать! Там сыро, темно, жутко. Как представляю, что мой Сашка там лежит... – качала она головой, погружаясь в свои думы.
- Твой муж на небе в раю.
- А ты почём знаешь? – взглянула на нее Боброва настороженно.
- Жил человек хорошо, погиб и ушел к Богу. Теперь он там, на небе, а не в земле.
- На небе... – задумчиво протянула Шура. – Может, и правда на небе? Может, и не лежит он в той сырой и темной земле?
- Тело остается в земле, а душа к Богу уходит.
- Значит, все равно в земле, – с досадой вздохнула та. – Мы с Сашкой так жили, так жили! Все село нам завидовало! А теперь нет его, и все прахом пошло.
- А он смотрит на вас и плачет от горя.
- Плачет... – согласилась Александра и залилась слезами. – Вот пришел бы... и сказал: «Шурка, брось пить»... Я бы бросила...
- А сколько вашему старшенькому? – поинтересовалась Тая.
- Косте? Восемь исполнилось. В школу уже ходит... Жаль отец не дожил до этого дня, – поведала она и утерла ладошкой слезы.
- А Настенька где?
- Она к бабушке пошла, мороженое ей понесла, а то растает. Холодильника-то у меня нет, пропила я его.
- Мы купим тебе новый холодильник.
- Не, – мотнула головой женщина, – боюсь, опять пропью.
- А сама вновь взяла бутылку, взглядом смерила, сколько там осталось, и налила себе.

– И без него не пропаду. Все равно хранить в нем нечего, – пояснила она и выпила. Тася протянула ей очередной бутерброд, в надежде, что хозяйка закусит и не будет такой пьяной.

– А ты приходи ко мне еще, – попросила ее Шура, – с тобой как-то легко.

– Приду, – согласилась она. – Что тебе принести?

– Винца такого же, больно вкусное. А то я все больше палёнку пью.

– А что это?

– Это самогон или водка, разбавленная неизвестно чем.

– Хорошо, принесу, – обнадежила её девушка.

– Тайка, какая ты хорошая! – радостно воскликнула Боброва. – Можно я тебя обниму?

– Можно, – улыбнулась она.

Та кинулась ее обнимать, прижалась к ней, словно к родной, которую давно не видела, и довольная уселась обратно на стул, продолжая разглядывать ее всю.

Но тут на веранде послышались тяжелые шаги, и мужской голос громко спросил:

– Есть кто дома?

Сердце Таи зашло от страха, потому что она сразу узнала, кому именно принадлежал тот голос.

– Федор! – в испуге зашептала хозяйка, враз меняясь в лице.

А сама проворно схватила со стола бутылку и стаканы и стала истерически метаться из стороны в сторону, соображая, куда все спрятать.

– Он убьет нас сейчас! – с ужасом проговорила женщина и сунула бутылку в сапог, что стоял под столом, а стаканы, прямо с вином, засунула под подушку на диване.

Она все это проделала так быстро, что Таисии стало смешно. Шура ногой отодвинула сапог подальше к стене, чтобы его не было видно, положила руки на стол, делая вид, что они мирно беседуют за чашечкой простой воды, которой только что запивали алкоголь.

В этот момент крепкая фигура Федора выросла в дверном проеме, и мужчина замер. Он не мог скрыть своего удивления, увидев здесь эту молоденькую москвичку. А сам немного постоял так, потом уверенно пошел по кухне, на ходу принохаясь. Тополь сразу понял, что здесь пили, и, склоняясь к Александре, тихо попросил:

– Дыхни.

– Федь, я не пила, – залепетала та, слепив на лице невинную улыбку.

Было видно, что она жутко его боялась, но также было понятно, что и он знал ее штучки.

Федор заглянул под стол, резко сунул руку в сапог и достал оттуда бутылку. Он грозно взглянул на Таисию, понимая, что только она могла купить такое дорогое вино.

Девушка поежилась под его строгим и пронзительным взглядом, но продолжала сидеть, наблюдая за всем происходящим.

– Значит так, я забираю у тебя детей! – рявкнул он своим грубым голосом, в очередной раз предупреждая Шуру.

– Я больше не буду! – умоляюще смотрела на него Боброва. – Феденька, прости, я клянусь! Брошу! Обещаю, что брошу! – взмолилась та, хватая его за руку. – Я ж совсем помру, если ребятишек заберут!

– А ты не пей! – зло посоветовал он, бросая строгие взгляды на ее гостью.

– Не буду, честное слово не буду! – сыпала обещания Шура. – Последний раз пила, уверяю!

Но тут мужчина резко и уверенно схватил Тасю за руку, вытащил её из-за стола и мгновенно повел к выходу.

Она настолько растерялась, что ничего не могла сказать в свою защиту, только быстро семенила на своих высоких каблучках, поспевая за его широким шагом.

Они вышли на улицу, остановились на тропинке и, показывая ей бутылку с вином, Федор грозно спросил:

– Ты купила?

– Да, – призналась девушка.

– Зачем? – зло смотрел он на нее. – Ты что, не видишь в каком она состоянии? Не понимаешь, что она уже спилась?

– Вижу, – робким голосом попыталась оправдаться Тая, – но я хочу ей помочь.

– Чем?! – рявкнул ей в лицо Тополь. – Станешь с ней водку пить, чтобы ей меньше досталось?

– Не кричите на меня, – попросила она, пытаясь, хоть как-то защитить себя от таких нападков.

– Кукла московская, ты зачем сюда приехала? – поинтересовался он, заглядывая ей прямо в лицо.

– К тетке...

– Вот и сиди дома! И нечего ходить там, где тебе не надо ходить! А лучше уезжай в Москву!

– Давайте... я сама решу, где мне ходить и где мне сидеть, – тихо, но уверенно заявила Тая, глядя в его большие и в тоже время злые глаза.

Федор церемониться не стал, а вновь резко выдал:

– Убирайся отсюда! И чтоб я тебя здесь больше не видел!

– Я никуда не уйду! – стояла на своем девушка. – И я сама решаю, где мне быть и с кем мне пить!

– Что?! – опешил от таких слов мужчина. – Убирайся! А то отнесу и сдам тебя твоему московскому ухажеру! И скажу, чтоб следил за тобой, а то потеряешься здесь!

– Я же потеряюсь, а не вы, – упрямо твердила она.

– Ты знаешь, кто здесь собирается? – кивнул он в сторону дома. – Вся местная пьянь! Утром проснешься и ужаснешься: с кем пила и с кем спала!

Тая ничего не ответила, а только стояла, словно провинившаяся школьница, и не знала, как защитить себя от таких нападков.

– Еще раз купишь бутылку, пожалеешь! – погрозился Тополь и направился к калитке.

А сам на ходу вылил остатки вина на землю, отбросил бутылку в сторону и зашагал вдоль забора. Там свернул в проулок, и вскоре его высокая и крепкая фигура скрылась из виду.

Новгородцева немного постояла, провожая его своим взволнованным взглядом, перевела дыхание, еще раз посмотрела за изгородь, боясь, что он может вернуться обратно, глубоко вдохнула воздуха и пошла в дом.

Александра сидела за столом и плакала.

Таисия подошла, присела рядом и какое-то время молчала, глядя на нее. В душе и сама была взбудоражена неожиданным появлением Федора и таким резким разговором с ним.

– Я его так боюсь! – призналась Боброва, всхлипывая. – Он с моим Сашкой не разлей вода были... Когда тот погиб, стал помогать нам. А теперь вот... грозит детей забрать... Заберет... мне тогда хана...

– Давай бросать пить.

– Как?! – вырвался крик из груди Шуры. – Я пыталась, а меня так трясти начинает, так ломать! Я света белого не вижу... Того-гляди... сердце остановится...

– Давай вместе подумаем, как можно тебе помочь, – предложила Тая и устала в окно.

Вскоре она ушла, не зная, что сейчас предпринять, чтобы облегчить страдания бедной женщине. Но уже твердо решила, что одну ее не оставит и станет всячески ей помогать. А в

душе очень даже сопереживала этой несчастной многодетной маме, от которой отвернулись разом все.

Наутро Таисия вновь пришла к дому Бобровых и увидела здесь такую картину: у дома стояла новенькая «Лада» синего цвета, тут же в стороне был припаркован КамАЗ, а из открытых окон неслись громкие мужские и женские голоса, которые о чем-то спорили, каждый доказывая свою правоту.

Она прислушалась и поняла, что именно сейчас там решается судьба всех ребятишек и Шуры тоже. Вчера Тополь грозился забрать у нее детей, но ей показалось, что он только пугал пьющую женщину. Но кто знает, на что способен этот грозный человек?

Появилось желание – немедленно уйти отсюда, чтобы не накликать еще гнева и на свою голову. Но любопытство и решимость взяло верх. Тая помедлила и шагнула вперед, намереваясь выяснить, что за гости пожаловали к Александре. А сама очень боялась, что ребятишек все-таки заберут, и тогда она лично станет на пути этих людей и ни за что их не отдаст.

Девушка подошла к веранде и замерла, вслушиваясь в каждое слово, что несло через раскрытое окно.

– Детей надо изымать от такой матери! – стояла на своем инспектор с опеки.

– Причину назовите! – требовал Федор.

– Мать пьет и за детьми не смотрит! Дома грязь и бардак! В таких условиях дети жить не могут!

– Миллионы детей сейчас живут за гранью нищеты! – пытался переубедить ее мужчина. – И что, всех надо изымать?

– Не всех, – отговорила дамочка уверенным тоном, – а от такой матери надо!

– Дети сыты, накормлены, ухожены, что еще нужно? – не сдавался Тополь.

– А кто их кормит?

– Бабушка и я! – заявил он гордо.

– У детей должна быть семья! – настаивала женщина.

– Не у всех сейчас есть полные семьи! Чаще их воспитывает кто-то один!

– Александра пьющая женщина! – напомнила она. – И опускается все ниже и ниже! В доме даже холодильника нет! Где он? Пропила? Где она хранит продукты?

– Все продукты у бабушки, – вновь пояснил ей Тополь.

– Пройдемте к бабушке, – предложила Беляева, разводя руками.

Тая понимала, что сейчас все выйдут на улицу, и тут же метнулась к калитке. Оттуда к дому Анны Филипповны, намереваясь немедленно предупредить женщину, что к ней пожаловали непрошенные гости.

Одна за другой из дома вышли дамы с опеки и направились через дорогу. Следом последовал капитан милиции, который приехал с города, как представитель власти, а за ним Федор.

Шура была у дома свекрови и держала на руках Галю. Она заглядывала в глазки дочери и плакала, словно прощалась с ней навсегда.

Рядом на лавке сидела Анна Филипповна и безутешно плакала. Она утирала платком слезы и прекрасно понимала, чем может обернуться этот визит для ее внуков.

Таисия подбежала к ним и с ходу выпалила:

– Они идут сюда!

– Все, увезут кровиночек! – заголосила бабушка, закрывая лицо руками, а из груди вырвался протяжный стон, вперемежку с рыданием.

Шура бросилась со двора через сад, унося Галю подальше, не желая отдавать ее никому.

Остальных детей нигде не было видно, и Тая тихо спросила:

– А где Настенька?

– Убежали... Мы им сказали, чтобы в саду переждали, – ответила ей Анна Филипповна и вновь громко всхлипнула. – Помру я без них... – плакала безутешно женщина, понимая, что опека надела на них окончательно.

Из-за угла вышли Беляева, за ней милиционер, а следом еще инспектор помоложе и Федор.

Все подошли, поздоровались. Тополь бросил недовольный взгляд в сторону Таисии, не понимая, зачем она здесь? Но тут же шагнул к двери и уверенно предложил:

– Идите смотрите холодильник.

Дамочка прошла в дом. Мужчина сам провел ее на кухню, распахнул перед ней дверцу, и женщина очень удивилась, потому что все полки холодильника были забиты едой до отказа. Здесь было все для детского питания: кастрюля со свежим супом, второе, йогурты, молоко, творожки, сыры, а особенно в изобилии сосиски и колбасы.

Беляева взяла сосиски, понюхала их и осталась довольна.

– Все свежее, – констатировала она и вернула продукт обратно.

– Вы где живете? – спросил ее Федор. – В городе или в деревне?

– Ну... в деревне. А что?

– И дети есть?

– Есть, – кивнула она головой.

– И ваши дети не остаются одни дома?

– Это к делу не относится! – мгновенно возразила дамочка.

– Нет, относится! – настаивал Тополь. – Я сам вырос в деревне. Мать с отцом всю жизнь в поле работали, а мы с братом одни дома оставались. Я что, уродом вырос?

– Нет, – согласилась с ним Беляева и улыбнулась, – вы очень даже симпатичный!

– Дайте ей еще один шанс. Я обещаю, что сам накажу ее!

– Федор Степанович....

– Пожалуйста! – умолял ее мужчина и стал совсем рядом. – Я покупаю продукты, а бабушка готовит и смотрит за ними. Вдвоем мы справляемся.

А сам смотрел ей в глаза и верил, что сможет уговорить ее сейчас – не отбирать у Шурки детей.

– И сколько так будет тянуться?

– Я напишу в опеку, чтобы меня признали опекуном, и все будет хорошо.

Инспектор долго смотрела ему в глаза и не удержалась сдалась:

– Хорошо, даю вам еще один шанс. Приеду через две недели, если все так и останется, то будем решать вопрос через суд. Тогда сразу лишим ее и родительских прав.

– Спасибо! – расплылся в довольной улыбке Тополь. – Вот знал, что есть люди и в опеке!

– Вот всем бы таких опекунов! – отвесила ему комплимент женщина. – Глядишь, и сирот в нашей стране не было бы вообще!

Они вышли обратно на улицу. Участковый и дамы с опеки сразу удалились. А Федор шагнул к Анне Филипповне, присел рядом с ней на лавку и радостно сообщил:

– Оставили!

– Что бы я без тебя делала... – сказала она, уткнувшись ему в плечо, и на радостях вновь залилась слезами.

– Все-все, – стал успокаивать он, – потом поговорим. Я на работу, а вечером заскочу.

– Спасибо тебе, – поблагодарила его Боброва. – Ты только себя береги.

Мужчина мельком взглянул на Тасю, но ничего не сказал, а только резко встал и быстрым размашистым шагом двинулся по тропинке, скрываясь за углом.

Вскоре загудел, заурчал где-то за домом КамАЗ, и машина спешно умчалась по селу.

Из сада показалась Александра. Озираясь и оглядываясь по сторонам, боясь, что инспектора могут еще вернуться и отнять у нее самое дорогое, она медленно двигалась к ним, держа на руках дочку.

Анна Филипповна посмотрела на нее и грозно попросила:

– Шурка, остепенись!

Та ничего не ответила, только прошмыгнула мимо нее, выглядывая за угол, поняла, что там никого нет, и поспешила к себе домой, унося на руках и Галю.

Тая извинилась и последовала за ней. Уже вскоре они вновь сидели за столом и молчали.

Боброва прижимала к себе девочку, раскачиваясь из стороны в сторону, и была рада, что сегодня дети опять с ней.

Галинка посидела так, а потом сползла с колен матери и стала крутиться у ее ног, подыскивая себе занятие поинтереснее.

– Я могу помочь тебе бросить пить, – предложила Таисия.

– Как?! Как ты мне поможешь? – закричала на нее Шура. – У меня с утра кишки огнем горят! И так... колбасит... сил нет...

– Поставим капельницу, и ты сама поймешь, что тебе лучше станет.

– Я знаю, мне уже делали так...

– Помогло?

– Да, – честно призналась женщина. – А что толку? Я же потом снова запиваю... и все заново...

– Я буду рядом, и все будет по-другому. Конечно, гарантии никто не дает, но все будет зависеть от тебя и твоего желания.

Та подумала, внимательно всматриваясь ей в глаза, а сама тяжело вздохнула, видимо, все еще раз взвешивая, и спросила:

– Вот зачем я тебе? Ты вон какая красивая, а я такая грязная!

– А я откормлю тебя, отмою и съем! – весело пошутила Новгородцева.

– Боюсь я, – призналась Шура, – сорвусь потом, а ты обидешься и не придешь больше.

– Не обижусь и приду снова, – успокаивала ее девушка. – И мне нужен номер вашей скорой помощи, где его взять?

– Я в больницу не поеду! – резко запротестовала Александра, замахав перед ее носом руками. – Что угодно, а туда не поеду!

– Я вызову их сюда. Они всё сделают здесь, – попыталась успокоить ее Тая.

Шура долго смотрела на нее, боясь, что ничего из того не выйдет, но потом все же согласилась. Она указала рукой на стену, где были записаны телефоны, и пояснила, что позвонить в город можно только от севкромви, потому что с сотового туда не дозвониться, так как надо знать код города.

Тая встала и уверенно шагнула вперед, желая помочь не только Шуре, но и ее детям. Она прошла к дому напротив и с ходу объяснила Анне Филипповне, что намерена сделать.

Та выслушала ее и без оптимизма, но все-таки согласилась помочь вызвать неотложку.

– Неужели поможет? И что, вот так бросит пить? Ох, не верю я! – качала головой женщина. – Её кодировать надо. А так день-два не попьет и опять за свое возьмется.

– Посмотрим. Бог даст, все у нас получится.

– Помоги нам, Господи! – по-доброму сказала Боброва, с надеждой глядя на эту очаровательную молоденькую москвичку, которой сейчас и самой нужна была помощь и поддержка.

Скорая приехала быстро. Молодой доктор с шутками прошел в дом, остановился в комнате у дивана, на котором сидела Шура, окинул ее внимательным взглядом, потом Таисию, и весело спросил:

– Кто тут у нас захандрил?

– Мы, – живо ответила Тая.

Тот смерил ее взглядом и, не скрывая своего веселого настроения, удивленно переспросил:

– И вы тоже? Что-то не похоже! Я бы вам не капельницу, я бы вам клизму сделал тогда.

– За что?! – вскрикнула девушка, с улыбкой глядя на него.

– А чтоб не врала, – пояснил он и подошел к Бобровой.

Видя, что ту колбасит после очередного запоя, он серьезным голосом пояснил:

– Так, капельницы на дому мы не делаем. Бывают исключения, но это дорого.

– Сколько? – сразу спросила Тася.

Он вновь окинул ее взглядом с головы до ног, прикидывая, сколько можно с нее взять, потом уверенно выдал:

– Три тысячи.

– Нет проблем, – заверила его девушка и достала из сумочки деньги.

Тот принял купюры, проворно убрал их в карман своих брюк и стал извлекать из чемоданчика лекарства.

Вскоре Шура лежала под капельницей, а доктор все поглядывал на Тасю и поинтересовался:

– И давно она так? Да, меня Слав Славич зовут, – представился он.

– Как?! – улыбнулась Тая, понимая, что это сокращенное имя и отчество.

– Ну, Вячеслав Вячеславович – это язык сломать можно. А так коротко и ясно.

– Таисия, – ответила она.

– Сколько живу, а первый раз встречаю девушку с таким необычным именем, – признался мужчина.

– Нам надо полностью вылечиться от этого недуга, – попросила она, желая продолжить тему лечения.

– Это непросто. Она должна сама этого очень хотеть! – кивнул он в сторону Шуры. – И только тогда может быть положительный результат.

– Я хочу, – подала свой голос Александра, – опека приезжала, детей грозятся отнять.

– Тогда вы просто обязаны взяться за ум! – наставлял ее Слав Славич.

– Я постараюсь, – неуверенно пообещала женщина и вздохнула, понимая, что это будет нелегко.

– Мы постараемся! – поддержала ее Новгородцева.

– А вы кто ей, сестра? – смотрел на нее фельдшер изучающим взглядом.

– Подруга.

– Мне б такую подругу! – вздохнул он и присел на стул, понимая, что капельница – это дело долгое.

Мужчина пообещал, что не оставит их в такой беде, и сам лично будет приезжать и выводить Шуру из длительного запоя. Он все это время был рядом, много шутил, рассказывал веселые истории из жизни больных, от чего Таисия радостно смеялась, желая подбодрить и свою новую подружку. И только Боброва задумчиво смотрела то на них, то на капельницу, словно боялась, что не сможет оправдать возложенных на нее надежд.

Уезжал доктор через два часа и обещал подъехать завтра днем, как будет свободное время.

– Капельницы надо повторить, – заверил он, – и не потому, что мне нужны деньги, а потому, что после таких запоев, одной капельницей не обойтись.

И скорая уехала.

У калитки толпились любопытные соседи, расспрашивая друг у друга: что случилось? Все знали, что Шурка пьет, и боялись, что многодетная мать помрет раньше времени.

Наутро Слав Славич вновь приехал к Бобровым в дом, а там его уже ждали. Организм требовал похмелья, и хозяйку лихорадочно трясло. После второй капельницы ей стало намного легче, в этом она призналась сама, но похмелиться все еще хотела.

Процедуры повторили в течении шести дней. Все это время Тая не отходила от женщины ни на шаг. Она была рядом и помогала ей во всем: прибрала в доме, перемыла посуду, прикупила продукты, сварила вкусный борщ, жарила котлеты и картошку, кормила всех, получая от такой заботы огромное удовольствие.

До Федора дошли слухи, что к Шура приезжает каждый день скорая, и ее выводят из запоя. Все это организовала та молоденькая москвичка, на которую он так сильно накричал и обозлился. Мужчина в душе радовался и удивлялся, но в дом к ним приходиться не торопился.

На шестой день после капельницы Таисия предложила:

– А не протопить ли нам баню? Там у вас сзади дома, в дальнем углу, банька ведь стоит?

– Да, – призналась Боброва.

– Сходим? – с задором предлагала девушка.

– Запросто! – согласилась женщина. – Костика кликнуть надо, он затопит.

Позвали Костю, и он с радостью затопил баню. Подождали, когда она нагреется до нужной температуры, и они с девочками пошли мыться. Им было радостно и весело вместе. Они плескались водой друг на друга, визжали, вновь обливались, лежали на лежаках, хлопая друг друга березовыми вениками, а на душе у всех было ощущение какого-то праздника.

– Тай, – заговорила Шура, вытираясь полотенцем, – а зачем ты со мной нянчишься? Деньги тратишь, жрачку покупаешь, капельницы оплачиваешь?

– Не знаю, – передернула она плечами, – мне с вами хорошо как-то и легко.

– Ты уедешь, я здесь останусь, все начнется сначала, – грустно поведала Боброва.

– А я тебя с собой возьму. Будешь жить у меня в квартире с детьми.

– Нет, я отсюда никуда не поеду.

– Тогда... я к вам перееду. Хотя бы на время. А потом буду в гости приезжать.

– Какая ты хорошая! – обняла ее Шура, прижимаясь к ее порозовевшей от жары щеке своей щекой.

– Предлагаю сделать ремонт в доме! – неожиданно заговорила Новгородцева.

– На что?! – усмехнулась Боброва и отстранилась от нее. – У меня нет ни копейки, я все пропила. Даже детские все на водку спустила, – честно призналась она,

– Все растраты беру на себя. Хочу подарок вам сделать.

– Нет, это всё очень дорого! – запротестовала Александра.

– Не дороже денег, – попыталась переубедить ее Тая. – А потом, я очень хорошо зарабатываю. Могу же я пожертвовать сиротам? Это святое дело!

Шура внимательно смотрела в ее глаза, на какое-то время задумалась, а потом неуверенно спросила:

– А мы сможем?

– Глаза бояться, а руки делают! – с задором в голосе ответила она.

– Тогда согласна! – махнула рукой женщина. – Ремонт, так ремонт! Самой надоело в такой грязи жить.

– А хочешь, я тебе волосы накручу на бигуди, и ты будешь завтра такая красивая! – предложила Тая. – Тебя никто не узнает.

– Давай, – согласилась та. – Жаль только, что надеть нечего. Все старое, обносилось.

– Завтра купим тебе платье, самое красивое, что будет в магазине.

– Нет, – вновь возразила Боброва, – или ремонт или платье. А так очень накладно будет.

– Я тебе всё подарю! – мило улыбалась Таисия, чувствуя себя необыкновенно счастливой.

Костя долго томился около бани, ожидая, когда помоются женщины, но не выдержал и ушел к Федору. Он хотел поделиться с ним радостной новостью – мамка не пьет вот уже неделю. Сердце ребенка ликовало от счастья, в доме появилась тетя Тая, а с ней, как ему казалось, к ним вернулся мир и покой. Мама стала другая, она сразу как-то повеселела, стала лас-

ковая со всеми, и дети не отходят от нее ни на шаг. Она обнимает всех, целует, словно сама нарадоваться не может, и только просит у всех прощения.

Тополь сидел за столом на веранде и вырезал из дерева новую поделку. Завидев мальчика, сразу спросил:

– Как дела?

– Хорошо, – отозвался паренек и подошел ближе.

– Как мамка?

– В бане моются. Я их ждал, ждал, а они только визжат там и хохочут.

– В бане моются?! – удивился Федор. – С кем?

– С тетей Таей. Я подслушал, они хотят завтра начать ремонт в доме делать.

– Да-а-а?! – протянул мужчина, удивленно вскинув брови.

А сам мгновенно отложил работу в сторону и проговорил:

– Интересный поворот событий получается!

– Надо помочь, – серьезно сказал Костя.

– Надо! – согласился он и задумчиво глянул в окно.

Ему сразу вспомнился тот день, когда он накричал на эту хрупкую девчонку, а она оказалась такой смелой и напористой, что пришлось удивляться ее настойчивости.

– Ты придешь? – спросил его Костя.

– Я выберу минутку и обязательно заскочу к вам днем. А там посмотрим, – пообещал Федор.

– Тогда я пошел, а то баня остынет.

– Давай, – дал он добро, проводив паренька своим серьезным взглядом до двери.

Перед глазами вновь всплыла та москвичка, и ему стало неудобно за те грубые слова, которые он наговорил ей у дома Бобровых. «Надо будет извиниться», – подумал Тополь, но уже твердо решил, что завтра обязательно заедет к Шуру.

Глава 8. Ремонт

Утром Тася посадила Александру с ребятами в машину, и они все вместе отправились в местный магазин покупать для ремонта обои и краску. Не было с ними только маленькой Гали, они оставили ее дома с бабушкой.

Дружная компания ходила из отдела в отдел, взрослые что-то покупали, относили в машину, вновь возвращались, делая очередные покупки, и им было весело вместе и хорошо.

Ребятишки с шумом носились по залу. Продавцы покрикивали на них, а те радовались жизни и никак на то не реагировали.

Когда все закупили и погрузили в машину, Таисия повела всех покупать подарки. Она накупила детям всякой всячины – игрушки, конфеты, мыльные пузыри, фломастеры, карандаши, мячи и даже шахматы, надеясь научить их такой непростой игре.

Потом девушка сделала подарок и Шуру. Они прошли в отдел готового платья и выбрали женщине обновку.

Боброва поначалу сопротивлялась, отказывалась, но Новгородцева настояла на покупке, и Александра сдалась под ее настойчивыми уговорами. Светлое трикотажное платье в мелкий цветочек очень шло ей, она сразу похорошела в нем и помолодела.

– Все будет хорошо, – прижимаясь к ней, тих заверила её Тася.

– А будет? – все еще не веря в происходящее, поинтересовалась Шура.

– Обязательно будет! – уверяла она. – Вот увидишь, все у тебя наладится.

– Ты сможешь?

– Я теперь не оставлю тебя одну и буду помогать растить тебе ребятшек.

– Дай мне хотя бы на ноги встать, – попросила ее женщина.

– Вместе встанем.

Они походили по залу, выбрали еще покупки, а затем подошли расплачиваться на кассу.

Женщина-продавец упаковала им всё, взяла у нее деньги и, пробивая чек, ехидно спросила:

– И откуда это у нас в селе такая богатая объявилась? Решила всех накормить и обогреть?

– Зачем же завидовать? – оговорила ее Тая. – Зависть смертный грех. Вы порадитесь за людей! Или это чувство вам не знакомо?

А сама взяла сдачу, покупки, и они с Шурой и детьми направились к выходу.

– Тась, – на ходу заговорила взволнованно Боброва, – может, ты зря тратишь на нас столько денег? Мне совсем нечем будет тебе их отдать.

– Шурочка милая, мне не надо ничего отдавать! – поспешила успокоить она. – Теперь мы подруги, и я пришла близкому мне человеку на помощь. Тебе меня Бог послал! А ты прими всё, как есть.

– Ой, боюсь я чего-то, – вздыхая, протянула та, – страх какой-то нападает. Вот уедешь ты, что со мной опять будет?

– Если я и уеду, то обязательно вернусь. Теперь вы от меня ни за что не отвяжетесь!

– Я всех подруг растеряла с этой пьянкой, а тебя нашла. От меня даже родственники отвернулись, только свекровка одна и помнит.

– А сколько тебе лет? – поинтересовалась Таисия.

– Мне? – переспросила Боброва и задумалась. – Я Костика родила, мне восемнадцати не было. А сейчас ему восемь. А мне двадцать шесть исполнилось. Недавно... в начале мая... третьего.

– Да, ты еще совсем молодая! – воскликнула удивленно девушка и остановилась. – Тогда все вот это, – указала она глазами на пакеты, – это мой подарок тебе на день рождения!

– Тайка, ты такая хорошая! – прижалась к ней Шура. – Дай Бог тебе счастья!

– Дай Бог, чтобы Бог тебя сейчас услышал, – по-доброму отозвалась Новгородцева, и они пошли дальше.

Вскоре компания дружно сидела в машине. Дети на заднем сиденье лопали мороженое, а Тая смотрела на них в зеркало и улыбалась. Они казались ей такими хорошими, такими милыми и родными, словно она не знала о их существовании ничего все эти долгие годы. Но это ее кровиночки, ее родные души, и теперь она их нашла. И отныне они всегда будут вместе, им легче будет переносить невзгоды, которые падали и падали на их хрупкие плечи.

Красная «Инфинити» отъехала от магазина и целенаправленно помчалась по селу к дому Бобровых. Дел было много, планы грандиозные, и все это надо теперь как-то осуществить. Конечно, не хватало мужских рук, но Таисия верила, что с этой задачей они как-нибудь справятся, и ремонт в доме Шуры будет обязательно завершен.

Иномарка притормозила у калитки, и все дружно стали разгружать покупки и носить их в дом. Трудились все. Ребятишки бежали по тропинке, на ходу роняя скатки обоев, а взрослые тут же за ними подбирали и несли дальше. Всем было весело. Работы и дел хватало, надо было вынести ненужную мебель, оторвать старые обои, покрасить потолки и окна в белый цвет, а двери и полы в коричневый, а еще поклеить стены во всех комнатах, на кухне и в коридоре.

Дети сразу ушли гулять. А девчата уже двигали мебель, следом разводили краску, и ремонт закипел полным ходом.

Федор приехал ближе к обеду, намереваясь лично узнать, что происходит в доме Бобровых.

Заслышав, что у калитки остановился КамАЗ, Шура спешно отложила кисточку и пошла ему навстречу.

Таисия невольно заволновалась, а ее сердечко трепетно забилося. Она жутко боялась этого человека, избегала встреч с ним и опасалась, что тот вновь накричит на нее или нагрубит. Уж больно строгий был у него взгляд и слишком громкий и грубый голос. Девушка попыталась взять себя в руки, но давалось ей это с большим трудом.

– Я вижу, у вас тут большие перемены! – войдя в дом, с изумлением сказал мужчина. – Всем здравствуйте, – поприветствовал он специально громко, чтобы слышали все.

Александра пропустила его в комнату, а сама светилась от счастья, и Тополь не мог этого не заметить.

– Шурочка, я тебя не узнаю! Что произошло с тобой? Какой волшебник над тобой поработал? – смотрел он на нее с улыбкой.

– Точнее сказать – волшебница! – заулыбалась она, кивнув головой в сторону Тази.

– Да?! – вскинул он удивленно брови, переводя взгляд на москвичку, и медленно пошел по комнате к ней.

А сам подошел, остановился рядом с девчонкой и стал осматривать ход работы.

Тая вся сжалась в комочек, с трудом справляясь со своим волнением, а сама покручивала кисточку в руках и смотрела то на него, то на подружку, ожидая, что будет дальше.

– Милое создание, – заговорил Федор, склоняясь к ней ближе, – я приношу вам свои большие извинения, за тот инцидент, что произошел между нами вот тут недавно. Я глубоко сожалею, что не смог сдержать своих эмоций и так грубо обошелся с вами. Простите меня грешного.

– Бог простит, – робко отозвалась она, опустив свои длинные реснички. – Вы только в следующий раз контролируйте свои эмоции, а то очень страшно становится.

– Я по натуре очень даже добрый! Только вспыльчивый немного, – ласково пояснил он, рассматривая её красивое личико.

Ему нравилась ее застенчивость, нравилось, как она опустила глазки, как слегка отшатнулась от него назад, когда он подошел и стал совсем рядом. Как спрятала она кисточку у себя за спиной, словно стеснялась, что умеет работать. «Какой чудный ребенок! – подумал он, глядя на Таисию. – Какой счастливчик тот олигарх!» – усмехнулся он про себя. А сам еще постоял немного рядом с ней, понял, что совсем смутил девчонку своим появлением и решил все исправлять.

– Может, вам помощь нужна? – спросил он, обращаясь к ним.

– Нам бы шкафы отодвинуть, и кровати вынести на улицу, – робко заговорила Тая, – а то краской зальем.

Но уловив на себе его пристальный взгляд, мгновенно опустила реснички, пряча от него свой смущенный взор.

Тополь вновь улыбнулся, зорко наблюдая за ней, провел ладонью по своим красивым усам и уверенной походкой прошел к шкафу, что стоял в углу у окошка. А сам с ходу оглядел его, взялся поудобнее и резко отодвинул, вытаскивая его на середину комнаты.

Девчата мгновенно оценили его силу, понимая, что не каждый сможет вот так легко отодвинуть гардероб, причем нагруженный вещами. Казалось, он сделал это так легко, словно игрушку переставив мебель в другое место.

– Федя, ну ты силач! – похвалила его Шура.

– Что еще двигать надо? – спросил он, глядя на Таисию.

– Там в комнате еще один шкаф и комод тяжелый, – указала она кисточкой на дверь по соседству.

– Показывай, – скомандовал мужчина.

Девушка робко шагнула вперед, а Федор пошел следом за ней. Она была одета в серый велюровый спортивный костюм, с розовыми вставками, а на капюшоне были сделаны маленькие ушки, как у мышонка. Он пришел в умиление: «Еще совсем ребенок, – подумал он, – а такая умненькая»!

– Вот, – указала Новгородцева и остановилась, слегка облокотившись на комод.

Этот комод он сам привозил из города, когда еще был жив его друг.

Федор уверенно подошел, приподнял и отставил в сторону сначала её, а Тая вскрикнула от неожиданности и попятилась назад. А следом он так же легко отодвинул шкаф, а за ним и комод. Потом посмотрел в удивленное лицо девчонки и сказал:

– Готов на другие подвиги.

– Нет-нет, – испуганно мотнула она головой, – больше ничего двигать не надо.

Он улыбнулся, наблюдая за ней, видел ее волнение, но хотел понять – это настоящее стеснение или поддельно-наигранное? Обычно приезжие девицы такие смелые и наглые, а эта так смущается, то и дело отводя взгляд в сторону. Или притворяется?

– Я могу помочь вам с ремонтом, только попозже, – предложил он. – Мне надо машину отогнать и у председателя отпроситься.

– Мы будем очень рады! – обрадовалась Шура. – Сейчас потолки начнем красить, а потом стены клеить. Рабочие руки нам нужны.

– Тогда ждите, – пообещал мужчина и направился к выходу.

Уже у двери он оглянулся и предупредил:

– Я не прощаюсь.

Он ушел, а Тася вздохнула с облегчением. Было одно желание – чтобы он никогда больше сюда не возвращался.

Боброва сразу занялась потолками, а она взяла банку с краской и стала ее размешивать палкой, чтобы краска приняла ровный цвет. В процессе девушка немного отвлеклась от мыслей о Федоре и начала красить потолок в маленькой комнате, тщательно выводя кисточкой по углам.

Тополь сдержал свое слово и вскоре вернулся, но уже не один. С ним пришел Ваня и еще молоденькая девушка. Войдя в дом, мужчина громко оповестил:

– Принимайте рабочую силу!

Заслышав его голос, Тая вновь вздрогнула. В этот момент она стояла на столе и уже красила валиком потолок в белый цвет.

Застав ее за таким занятием, Федор подошел ближе и, не скрывая своего удивления, тихо поинтересовался:

– Где же ты этому научилась, милое создание?

– Нигде, – улыбнулась она, – просто взяла и крашу.

– Смотри, молодежь! – воскликнул он, обращаясь к Ивану и племяннице. – Человек нигде не учился! Ничего не знает, как красить и где красить! А взялась и работает. А вас надо всему учить лодырей.

– Федор, смотри не перехвали, – вышла вперед Ксения и остановилась возле стола.

Гордо вскинув голову, она оценивающим взглядом окинула москвичку с головы до ног, убрав свою пышную косу назад, и представилась:

– Ксюха.

– Сколько раз тебе говорить, – шлепнул ее по мягкому месту дядька, – не Федор, а Федор Степанович!

– Перебьешься! – резко ответила ему девушка. – А будешь выступать, буду при всех называть тебя – дядя Федя!

Он показал ей свой мощный кулак и погрозился:

– Только попробуй!

Якимов шагнул ближе к столу, стал рядом с Ксенией и вежливо предложил:

– Я к вашим услугам. С чего начинать?

– Потолки надо покрасить в той комнате, – стала объяснять ход работы Тася, – а ещё обои мерить и резать на все стены сразу.

Федор внимательно выслушал ее, ладонью пригладил свои пышные усы, обдумывая ее предложение, весело подмигнул ей, а сам подтолкнул парня и девчонку к двери, и работа закипела полным ходом.

Ваня и Ксюша весело резали обои. Шура докрашивала потолок в соседней комнате, но давалось ей это с большим трудом. Длительные запои давали о себе знать, и теперь пошатнувшееся здоровье надо было восстанавливать.

Федор командовал молодежью и уже обдирал обои в соседней комнате. Он включил приемник, и по всему дому неслась громкая ритмичная музыка.

К вечеру были покрашены потолки и поклеены две комнаты. Оставшуюся работу решили оставить на завтра.

Тополь забрал племянницу и Ваню, и они ушли домой, пообещав, что завтра снова придут им на помощь.

Ночевать в доме было невозможно, от клея и краски везде стоял едкий запах, и было очень сыро и душно. И Тая пригласила Шуру с детьми к себе.

Боброва с радостью согласилась. Она теперь вообще боялась оставаться одна без нее.

Костя протопил баню. Подружки с удовольствием попарились после тяжелой и душной работы, перекупали ребятишек и веселой компанией отправились ночевать к ней домой.

Накормив и уложив детей спать, девчата уселись на веранде пить чай. Розовощекие, с мокрыми после бани волосами, с уставшими, но счастливыми глазами, они сидели рядом и разговаривали.

Тая угощала гостью всякими вкусными сладостями, а сама уже засыпала за столом.

– Давай спать, подруга, – с улыбкой предложила Шура.

– Я так устала! – призналась она и зевнула.

– Ты кто по профессии? – спросила ее Боброва.

– Экономист.

– А такое чувство, что прорабом на стройке не один год отработала, – расхваливала ее женщина.

– Я первый раз в жизни сама делаю ремонт, – устало пояснила девушка.

– Тайка, какая ты хорошая! – обняла ее Александра. – Пришла, не накричала, не упрекнула... Душу мою поняла, свою для меня распахнула... Может, мне все это снится?

– Мне уже сон точно снится, – мурлыкала себе под нос Таисия и в полудреме уронила голову на стол.

– От меня все отвернулись. Шуркой-пьяницей меня называют. Детей моих гонят со двора. А ты раз, и всю мою жизнь перевернула! Сказали бы мне про такое раньше, я бы ни за что не поверила! А теперь вижу, бывает! – вздохнула Боброва.

Потом посмотрела на хозяйку и, всплеснув руками, проговорила:

– Да, ты спишь уже! Давай я тебя на кровать отведу, да и сама уже лягу, – засуетилась она вокруг Таисии. – Я тоже устала, сил моих нет...

На следующий день рано утром компания вновь была в сборе. Федор отпросился с работы, а ради такого случая председатель отпустил и Ваню.

Из дома вынесли остатки мебели и все вещи. Работали все дружно и с неподдельным энтузиазмом. Ксюша и Ваня помогли клеить обои, а потом взялись красить окна. Шура и Тая доклеивали стены, а мужчина что-то ремонтировал на веранде.

Тополь принес магнитофон, и по всему дому лилась громкая музыка.

На их работу пришла посмотреть Анна Филипповна. Она вошла, опираясь на костыли, внимательно все оглядела, покачала головой и со слезами на глазах тихо сказала:

– Красота-то какая!

– Ну, что вы все плачете? – мило улыбнулась ей Тая.

А сама подошла к женщине, обняла ее за плечи и ласковым голосом заверила:

– Теперь все будет хорошо.

К ним поспешила и Шура. Она с ходу обняла одной рукой свекровь, а второй подружку, сразу прижалась щекой к женщине и виновато произнесла:

– Прости меня... Одна ты меня не бросала. Хоть и ругала, а не бросала... Мать родная забыла, а чужие люди помогли... Как же я вам благодарна! Как же я вас всех люблю!

– Только бы не сглазить, – отозвалась Анна Филипповна, – а то люди уже завидовать начали.

– Не думайте об этом, – стала успокаивать ее Тася.

– Мам, я обещаю, что больше пить не буду, – заверила ее сноха.

– Ты не обещай, ты просто не пей и все. Ноги-то мои совсем никудышные. Кто ребят поднимать станет?

– Вместе поднимать будем, – подбодрила их Таисия, а сама смотрела то на одну женщину, то на другую.

Федор вошел в комнату и застыл в дверном проеме. Он смотрел на них и с грустью вспомнил своего друга, а в душе был рад за Шуру и ее детей. Появилась надежда, что теперь она бросит пить и начнет новую жизнь. Глядя на них сейчас со стороны, он был уверен, что так оно и будет.

Разглядывая Таисию, понимал, что не случайно она здесь оказалась и тем более рядом с Александрой. Вон как на нее хорошо влияет. Да и Шурка сама тянется к ней, как росток к свету. словно цепляется за жизнь, за тот кончик веревочки, которую ей протягивает эта хрупкая, нежная, совсем еще молоденькая, но уже не раз битая судьбой девочка.

Он вспомнил, как приехала Тая вся убитая горем, как приводили они ее в чувства у дома и у церкви, а теперь сама светится счастьем и дарит это счастье другим. «Кто кому помогает? – подумал он. – У самой столько горя обрушилось на ее хрупкие плечи, а она смогла встать и протянуть руку помощи нуждающемуся человеку».

Он тихонько вышел, чтобы не мешать женщинам, на радостях вздохнул протяжно и стал доделывать ремонт.

Высоко в небе светило весеннее солнце. По небу плыли легкие белые облака. За окном доцветала черемуха, наполняя двор необыкновенно приятным и терпким запахом. А кругом кипела, бурлила жизнь, с ее проблемами и радостями, с ее удачами и разочарованиями, с ее победами и поражениями.

На третий день все дружно красили полы, это было завершение работы.

Потолки сияли белизной, отражая всю обстановку в комнатах. Красивые обои высохли, и дом наполнился чистотой и свежестью.

Работники проворно оттирали краску с рук, стоя на улице у раскрытой веранды.

– Ну, Александра, ты теперь сто лет должна жить! – протянул весело Федор, тщательно отмывая руки растворителем.

– Сто много, а вот годков тридцать пожила бы, – ответила Шура, поглядывая на всех счастливыми глазами.

– А что так мало загадала? – переспросил он.

– Да хватит, – махнула она рукой. – Детей на ноги поставлю и ладно.

– А внуков понянчить? – напомнила ей Тая.

– Нет, на внуков меня не хватит.

– Еще как хватит! – поддержал разговор Якимов. – Двадцать шесть плюс тридцать – всего-то пятьдесят шесть!

– Я своей пьянкой все свое здоровье подорвала, – с грустью призналась Боброва.

– В наше время всё лечится, – ласково напомнила ей Тася.

– Спасибо вам за все, – стала благодарить Шура, – что бы я без вас делала?

– Теперь мы друзья, зови всех нас на помощь, если что, – с улыбкой смотрела на нее Ксения.

– Только вы меня не бросьте, хотя бы первое время. Дайте на ноги встать. А потом я сама как-нибудь.

Тая обняла ее за плечи, уронила голову ей на плечо и пообещала:

– Я не брошу тебя – это точно.

Федор засмотрелся на них, а сам никак не мог понять, зачем она все это делает? Обычно богатые девицы все набалованные, пальчики гнут веером, все из себя, а тут такая милая и ласковая, и глазки какие застенчивые. «Неужели притворяется? – думал он. – Но зачем»? А если нет? Если и впрямь умница и скромница? Тогда совсем не понять – ради чего вообще связалась с Александрой? Вон и ее всю облизала, и детей всех отмыла, обула, одела, накормила. А тут ремонт ещё какой организовала. Да и Шура с ней другая стала, почувствовала поддержку и надежную помощь. И ухватилась за нее, словно за соломинку, и не хочет назад в прошлое. Видно, и сама уже устала от такой жизни и от пьянки тоже. И глаза другие – огоньком задорным светятся. И лицо посвежело и порозовело, отошло от алкоголя. А ведь раньше, какая красавица была!

Он вспомнил их свадьбу, где гуляло больше ста человек. Шурка и Сашка такие молодые, красивые, счастливые! В глазах любовь, словно и не видят никого, будто в целом мире только они вдвоем и есть. Но как круто может завернуть жизнь, и как резко она может оборваться...

Боброва вновь ночевала с детьми у Таисии. Они уложили детей спать, а сами сели на крылечке подышать воздухом и просто поболтать. Девчата пили чай и наслаждались тишиной.

– Хорошо-то как! – сказала Шура. – Сейчас бы сто грамм.

– Ты что? – испугалась Тая, взглянув на нее с упреком.

– Да я так, – отмахнулась та, – грустно вдруг стало. Все думаю: вот уедешь ты, а что я одна тут делать стану?

– Работать пойдешь. Хватит бока на диване пролеживать.

– Так... я же ничего не умею! – призналась Александра. – Замуж вышла девчонкой и сразу родила. Потом второго, третьего. Сашка меня берег, ничего делать не давал. Думала, что всю жизнь так проживу.

– Вот над этим нам надо подумать, – задумалась Новгородцева.

Такого момента она никак не могла предусмотреть. Останься Шура сейчас без дела, без работы, один на один со своими проблемами, сто процентов запьет.

– А чем бы ты хотела заняться? – поинтересовалась Тая.

– Я бы пошла в магазин торговать, в промтовары. Наряжаться бы стала, прическу модную сделала, – мечтательно говорила женщина.

Потом вздохнула тяжело и тихо рассудила:

– Только... кто меня возьмет.

– Давай мы с тобой потом поговорим на эту тему, – предложила Таисия, а у самой уже назревал план насчет ее трудоустройства.

– Давай, – согласилась Боброва, – можно и потом.

– Может, тебе учиться пойти? – неожиданно посоветовала она.

– Я?! Учиться?! Ты смеешься надо мной?

– Тебе всего двадцать шесть лет, у тебя вся жизнь впереди! – внушала ей Тая. – Можно заочно. А дети с бабушкой побудут, пока ты сессию сдавать будешь. Я приеду помогу. Отпуск возьму или больничный, посижу с твоими ребятами.

– Я уже и задачки решать разучилась, – смеялась Шура.

– А ты в школе как училась?

– Хорошо! – с гордостью призналась та. – С пятерками закончила! Одна четверка по химии была. Ох, и не любила я химичить!

– Да, ты еще и отличницей была?! И молчала?!

– Сашка меня как увидел на танцах, он уже взрослый был совсем, а я в десятом классе еще училась, – стала рассказывать Александра, – у меня коса ниже пояса. Я как волосы распустила, он так и обомлел! Говорит: моя девчонка и все. А у него до этого девушка была. В селе поговаривали, что он на ней жениться собирался. А потом они что-то разругались, и пошел он в наш клуб. А тут я такая красивая стою. Вот и пристал он ко мне, а такой симпатичный был! Я в него сразу и влюбилась. А замуж выходила уже беременная Костиком. Он такой счастливый был! На руках меня носил.

– Вот видишь, сколько у тебя хорошего было, – устало улыбнулась ей Тая, – а ты решила все это разом перечеркнуть.

– Уже перечеркнула, – грустно усмехнулась женщина, понимая, что загубила не только свою жизнь, но и детям.

– Ты можешь и должна, нет, ты просто обязана восстановить доброе имя себе, детям и мужу! – настаивала Новгородцева. – Поэтому мы подберем тебе вуз, где ты будешь учиться, а все остальное уладится, само собой.

– Не пугай меня, – взмолилась Боброва, – мне бы от всего этого отойти.

– Я помогу, – заверила её девушка.

– Тогда согласна, – махнула рукой Шура.

– Вот и ладненько, – обрадовалась Таисия.

– А я тебя хочу спросить про Сашу твоего, он тебе кто?

– Друг.

– Друг и все?

– И все, – улыбнулась она.

– А такое бывает? – все еще не верила ей женщина.

– Мы познакомились, когда я еще была маленькая, – начала рассказывать она. – Он пришел в гости к моему отцу, а я на него и внимания не обратила. Стала дерзить ему, а он только смеялся надо мной. Потом мы с ним подружились, и я стала относиться к нему, как к старшему брату. Он баловал меня, дарил разные подарки, водил в кино, в кафе, но никаких намеков на ухаживания не было. Если бы он сразу проявил ко мне какое-то внимание, которое проявляют к девушке, возможно, и я отнеслась бы к нему по-другому. А так, он сам не раз всем говорил, что он мой старший брат. Меня это вполне устраивало. Я всю жизнь мечтала о брате, а тут такой взрослый! Такой красивый! Умный, смелый, талантливый! Но он давно созрел для серьезных отношений и рад бы все изменить, а у меня где-то заклинило, и я изменить себя не могу. Он все еще остается для меня старшим братом. А он ждет и верит, что я скоро повзрослею и перемену к нему свое отношение.

– А ты?

– А что я? – вздыхая, отозвалась Тая. – Наверное, я еще не повзрослела.

– И что, между вами ничего не было?

– Нет, – улыбнулась она. – Он даже про всех моих женихов знает. Когда я приходила со свидания, то все ему рассказывала. Позвоню ему, а он молча слушает и дает мне советы, как себя вести и как себя защитить, если парень окажется слишком настойчивым.

– А тебе его не жалко?

– А что его жалеть? Он не бедный, а очень даже богатый, не болен, не калека. И потом, я про его амурные дела тоже знаю.

– Он тебе про них сам рассказывал?

– Когда рассказывал, а когда я сама догадывалась и тогда издевалась над ним от души. Подкалывала его, шутила, анекдоты в тему говорила. А он сознавался и называл меня маленькой разведчицей.

– Как интересно! – протянула Боброва, глядя на нее счастливыми глазами. – А ты нас познакомишь?

– Конечно, – сразу согласилась Тася, – Саша всегда рад знать, чем я живу, чем дышу, с кем общаюсь.

– Спасибо тебе за все, – в очередной раз поблагодарила ее Шура, – и давай уже спать. Так устали за эти дни!

Они встали, закрыли дверь на замок и одна за другой побрели в дом. Уже там улеглись по разным кроватям, а сами тихонько переговаривались, пока не уснули.

На следующий день Федор не смог прийти, он срочно уехал по делам в город. Но пришел Ваня, а с ним еще два парня. Они помогли занести вещи и мебель в комнаты, всё расставили, как попросила их хозяйка, и ушли.

Кругом было свежо и чисто. Полы и потолки высохли, обои выровнялись.

Девчата сразу открыли окна нараспашку, протерли столы, стулья, навели порядок.

Тая предложила сходить в универмаг и купить новые шторы. Шура сначала запротестовала, посчитав, что и так слишком много трат было за эти дни, и тратить лишние деньги ей совсем не хотелось, тем более, что они были чужие. Но под натиском благодетельницы все же согласилась.

На этот раз за покупками они отправились вдвоем. Подруги долго присматривались к тюлям, разглядывая и подбирая нужный им цвет. В три комнаты и на кухню удалось купить уже готовые шторы и тюль, потому что там было по одному окну. А вот в залу, там было три окна, подобрать что-то одинаковое не получилось, и пришлось брать гардины и тюль метражом.

Шура заверила, что сможет сама все порезать и пошить, для этого надо только взять у свекрови швейную машинку.

Вернувшись из магазина, девчата решили повесить шторы на окна. Им было интересно посмотреть, как все будет выглядеть.

Босыми ногами они ходили по полу, помогая друг другу, и были рады, когда увидели конечный результат.

Глава 9. Застолье

Весть о том, что Шура не пьет, и у неё появилась то ли богатая родственница, то ли богатая подруга, сразу облетела село.

Соседи заходили посмотреть на ремонт и радовались, что с Александрой произошли такие резкие перемены. Кому-кому, а им-то лучше всех было знать, в каких условиях последние годы жили дети и горем убитая женщина. Все видели, как преображалась она, на глазах расцветала, возвращая себе былой облик.

Таисия сделала ей красивую прическу, нарядила в новое платье, и Боброва похорошела до неузнаваемости.

К вечеру приехал Федор. Он вошел в дом и обомлел, такой красоты и такого итога мужчины никак не ожидал. Он видел светящиеся глаза хозяйки, которая была вне себя от счастья и всем своим видом показывала, что она уже не та Шурка-пьяница, а совсем другая, поверьте ей.

Глаза Таси он не видел, девушка все время их прятала. Вот и на этот раз она застенчиво опустила свои длинные реснички, изредка и украдкой посматривая в его сторону.

– Ну, девчонки, это надо отметить! – заявил Тополь. – Ждите меня здесь! – приказал он и пошел на улицу.

Тая немного помедлила, а потом спохватилась и бросилась за ним. Она догнала его уже у калитки и окликнула:

– Федор Степанович!

– Да, – отозвался он и резко остановился, оборачиваясь к ней.

– Может, не надо отмечать? – несмело предложила она и стала перед ним. – Шура еще не окрепла и может сорваться.

– Точно! – задумчиво протянул мужчина, – а я и не подумал!

Но тут он увидел ее большие зеленые глаза и на какое-то мгновение замер, разглядывая их. Потом передернул загорелыми плечами и тихо спросил:

– Что же делать?

– А что вы хотели предложить? – робко поинтересовалась Тая.

– Шашлык.

– Здорово! – обрадовалась девушка. – Тогда к нему можно безалкогольное пиво купить или вина.

– Тоже безалкогольное? – решил пошутить он, наблюдая, как она стесняется его присутствия.

Новгородцева оценила его юмор, мило улыбнулась и тихо пояснила:

– Можно некрепкое.

– Ждите и никуда не уходите! – приказал он и пошел к своему КамАЗу, что стоял на дороге у самой калитки.

А сам лихо забрался за руль, завел машину и уже мчался по селу, намереваясь немедленно осуществить задуманное.

Тася вернулась к дому, а на ступеньках стояла Шура и тихонько плакала.

– Что ты, Шурочка? – заволновалась она, не понимая, что могло произойти в ее отсутствии.

А сама подошла, стала с ней рядом, обняла подружку за плечи и прижала к себе.

– Да я так... от радости... Только... как дальше жить... не пойму...

– А я тебе скажу, – стала вытирать она с ее щек слезы, – выучишься, устроишься на работу, найдешь себе мужчину и будешь жить – не тужить!

– Где же я его найду?

– Не волнуйся, он сам тебя найдет. Вон какая ты у нас теперь красивая!

– А дети? Кто же возьмет меня с таким карагодом?

– Вот увидишь, все у тебя будет хорошо. Ты и деток ему еще родишь.

– Нет, – отмахнулась Шура, вытирая с глаз слезы, – здоровье не то. Пропила я свое здоровье. Печень болеть стала.

– Подлечим твою печень! – успокаивала ее Тася. – Сейчас все лечится!

– Спасибо тебе... Век не забуду твоего внимания и твоей доброты... – ответила Шура и, уткнувшись в её плечо, безутешно заплакала.

Но девушка смогла ее быстро успокоить, напомнив, что скоро вернется Федор, и придут дети, а поплакать можно и потом, когда они останутся вдвоем.

Боброва послушалась и лить слезы перестала. А сама обняла ее за худенькие плечи, да так и стояли они на ступеньках веранды, наслаждаясь тишиной и приятными минутами этого удивительного майского дня.

Федор, как и обещал, вернулся очень быстро. Он приехал с кем-то на жигулях, выгрузил сумки, резные табуретки, их было шесть штук, и машина тут же умчалась вперед по дороге.

Мужчина уверенной походкой прошел к дому, прихватив с собой несколько табуреток, внес их на веранду, мгновенно поставил на пол и сказал, обращаясь к Шуре:

– Мой подарок тебе и детям.

– Какие красивые! – ахнула Тая и стала ходить вокруг, рассматривая их со всех сторон.

– Это Федя сам делает! Он у нас такой мастер, на все руки! – похвалила его Боброва.

– Я сейчас застесняюсь, – шутил Тополь, прикрывая глаза своей крепкой рукой.

Таисия присела на один из стульев, усаживаясь на нем поудобнее, а потом радостно сказала:

– Классные!

– Тогда носите и не стаптывайте, – ответил он шуткой и поспешил на улицу.

Но вскоре вновь вернулся, занес сумки с продуктами и оставшиеся табуретки. Потом позвал Костика и Славу, и они стали разводить за домом костер.

Шура и Тая суетились на кухне, девчата делали салаты, резали овощи и готовили закуску.

Следом пришли Ваня и Ксюша и принесли большой торт, который Федор лично купил сегодня в городе, специально для этого случая. А Коля сбегал за бабушкой.

За домом, подальше от людских глаз, поставили стол, принесли стулья, лавки и выставили угощения. А в скором времени был готов и шашлык.

Все дружно уселись вокруг стола и сразу стало шумно и весело.

Шура пила сок, она даже от безалкогольного пива отказалась, а всем остальным налили вина. Первый тост взяла она.

Александра встала, обвела всех смущенным взглядом, посмотрела на подругу, а сама тихо и робко заговорила:

– Моя жизнь перевернулась... И перевернула ее – вот эта девушка, – указала она рукой на Таисию. – Она не требовала от меня ничего, не упрекала, не ругала, а просто поняла, как мне было больно, горько и одиноко с моей бедой...

По щекам женщины потекли слезы, она смахнула их и продолжила:

– Не зная меня, не зная моего прошлого, она прижала меня к себе... и так мне стало хорошо... – дрожащим голосом поведала она. – За все это время... я почувствовала, что я не одна, что появился на этой земле человек, который готов разделить со мной мое горе... Она обогрела меня и моих детей... она назвала меня своей подругой, и теперь я не имею права жить, как жила раньше... Мне жаль, что не было ее со мной в тот момент, когда погиб мой Сашка. Наверное, я не запила бы тогда... Теперь я хочу, чтобы вы все поверили мне и помогли дальше. Я не хочу больше пить. Я сама устала от пьянки и намерена жить по-другому... И этот ремонт, который мы делали с вами, Тая затеяла, чтобы отвлечь меня от бутылки... Она все правильно рассчитала, человека надо занять, отвлечь, увлечь. У нее это получилось, и я ей очень и очень благодарна...

Боброва громко всхлипнула и, глядя на Тасю, говорила дальше:

– Общась с ней, я многое поняла... Поняла, что есть на земле люди, которые придут тебе на помощь, что есть добро, есть сострадание и понимание. Последнее время все смотрели на меня с пренебрежением, а она вошла в мой дом... увидела меня всю пьяную, грязную... и села со мной за стол... – Шура мотнула головой и заплакала. – Не постеснялась... не побрезговала, а взяла стакан и выпила со мной... И это удивило меня больше всего! Ведь она ничего про меня не знала... Вошла такая хрупкая, красивая, ухоженная и протянула мне руку помощи... Давайте выпьем за Тасю... Пусть все у нее в жизни сложится хорошо. Дай Бог ей счастья и хорошего мужа. Она это заслужила...

Тая сидела с опущенными глазами и настолько была смущена этой речью, что не могла ни на кого смотреть. Она ожидала любой тост: за Шуру, за ее новую жизнь, за работу, за дружбу, но таких трогательных слов в свой адрес совсем не ждала.

Она встала, крепко обняла женщину, а сама прижалась к ней, пряча ото всех свой смущенный взгляд.

Боброва не удержалась и залилась слезами. Плакала и баба Нюра.

Все смотрели на них с жалостью и пониманием, а Федор тихо признался:

– После таких речей, я бы сейчас водки выпил, а не вина.

– Сбегать? – тихо шепнул Ваня.

– Сгоняй, Ванек, – вздыхая, попросил он, – на душе тоска зеленая.

И уже громче, обращаясь к Шуре, сказал:

– Ну, Александра, ты дала! Сам чуть не заплакал!

Якимов встал и быстро нырнул за угол дома, а за столом наступила тишина. И только дети ничего не поняли. Им было хорошо и весело, ведь теперь у них все по-другому, их мамка не пьет, и у всех началась другая жизнь.

Таисия выпила вина и отставила бокал в сторону, а Ксения громко сказала:

– Шура, ты так похорошела за эти дни! Стала такая красивая!

– Это все Таська из меня конфетку пытается сделать. Прически мне наводит, учиться заставляет.

– Учиться?! – удивился Федор, взглянув вопросительно на москвичку. – Учиться – это хорошо! – поддержал он.

– А Шура говорит, что поздно, – отозвалась Новгородцева, ища у него поддержки.

– Учиться никогда не поздно! – вставила свое слово Ксения. – Люди до старости учатся!

– Вот и я ей говорю, а она боится.

– Боюсь, – честно призналась Боброва.

– Не трусь, мы поможем тебе, – заверила её Ксюша.

– Раз вы все настаиваете, то, наверное, я попробую, – неуверенно соглашалась Александра.

– Я как узнала, что она в школе отличницей была, так и обомлела! – радостно поведала Тая. – Думаю, такие умы пропадают!

– Шур, мы тебе все поможем, – сыпала обещания Ксения, – кто с детьми посидит, кто к экзаменам подготовиться.

– Я тоже приеду, – пообещала Таисия. – Могу отпуск взять или так, за свой счет.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила всех Боброва, а на глазах вновь появились слезы, – за доброту вашу, за понимание, за заботу...

– Что ты, Шурочка, – стала утешать ее Тая, – все будет хорошо!

Вскоре вернулся Ваня. Он весь запыхался, было видно, что парень бежал, спешил успеть к столу и угодить своему наставнику. Он быстро подошел к мужчине, вытащил из-за спины бутылку и подал ему.

– Никто не против, если я водочки выпью? – спросил Федор, поглядывая по очереди на всех.

– Пей, конечно, – дала добро Шура и улыбнулась.

Тополь проворно откупорил бутылку, налил себе в рюмку и сразу выпил. А сам убрал водку под стол и стал закусывать.

– Тая, а ты не хочешь с нами в кино сходить? – спросила Ксюша, глядя в ее сторону.

– Нет, я так устала за эти дни, хочу выспаться. Может, потом, – робко отказалась она, стараясь не обидеть эту юную красавицу.

– Мы зайдем за тобой завтра, – предложил Ваня, – думаю, ты уже выспишься к тому времени.

Девушка пожала плечами, давая понять, что можно и пойти, почему бы и нет.

Федор вышел из-за стола, отошел в сторону и закурил.

– Тая, а что ты закончила? – спросила её Ксения.

– МГУ.

– Какой факультет?

– Экономки.

– Это престижный вуз, ты сама туда поступала или по блату?

– Сама. И закончила его с отличием.

– Не то что некоторые! – усмехнулся Иван язвительно. – В школе от дождя прятались!

– Ты будешь отмщен! Я тебя в речке утоплю! – зыркнула на него девчонка большими карими глазами.

– Не отмсти, Ксения, грех это! – отбивался от нее словами Якимов.

Та немного успокоилась и вновь поинтересовалась:

– А машину ты сама купила? Это же дорогая марка.

– Ксюха! – рывкнул на нее Федор, – кончай пытать человека, это уже неприлично!

– Ничего, я отвечу, – отозвалась Тася, – мне ее подарили на день рождения. Я отказывалась, не хотела принимать, но ее уже купили и оформили на мое имя.

– Круто! – воскликнула девушка. – Вот бы мне такого мужчину найти, а то ездят тут на мопедах! – высказалась она, искоса поглядывая в сторону Вани.

Было видно, что тот обиделся на ее слова, но сдержался, не нагрубил.

Федор отбросил окурок, подошел к ней, резко приподнял ее со стула и скомандовал:

– Быстро домой, скотину загонять! Разговорилась тут!

– Все, больше не буду! – с обидой протянула она, а сама сразу затихла, понимая, что с дядькой лучше не спорить.

– Не надо ссориться, – стала успокаивать всех Шура, – шашлык стынет.

– Еще слово и ты уйдешь! – погрозились мужчина в сторону племянницы и присел к столу.

Стараясь сменить тему, Тася милым голосочком заговорила:

– А я хочу предложить тост за Анну Филипповну. Она одна не бросала Шуру и ее деток. Сама вся больная, а про них не забывала, помогала, кормила, обстирывала, переживала и сострадала им всем. Дай Бог вам здоровья. Пусть теперь в ваших домах наступит мир и покой.

Александра мгновенно встала, спешно подошла к свекрови, обняла ее за шею и со слезами на глазах поблагодарила:

– Спасибо тебе...

– Ну, будет-будет, – стала успокаивать ее Анна Филипповна, – ты только больше не пей.

– Не буду, – заверила ее Шур, а сама вновь смахнула набежавшие слезы.

Она вернулась на свое место, уселась за стол и стала есть только что приготовленный шашлык.

Якимов рассказал новый анекдот, и все весело засмеялись. Федор украдкой наблюдал за Таисией. А она, уловив на себе его внимательный взгляд, старалась не смотреть в его сторону. Уж больно выразительными и красивыми были его черные как уголек большие темно-карие глаза. Да и сам он был слишком хорош собой. Так хорош, что её сердечко начинало учащенно биться, когда он оказывался рядом с ней.

Тут у неё зазвонил мобильник. Она достала его из кармана, встала из-за стола, извинилась и медленно пошла по тропинке к бане.

– Саша, здравствуй. Где я? В гостях. Ты приехал?! – удивилась Тая. – Уже здесь в Никулино?! Я иду.

А сама отключила сотовый и медленно вернулась обратно к столу.

– Извините, но мне надо уйти, – сказала она, пожимая плечами. – Спасибо за шашлык, было все очень вкусно.

Потом шагнула назад, улыбнулась всем счастливой улыбкой и направилась к калитке.

Боброва встала и последовала за ней. Они отошли чуть в сторону, и Александра тихо спросила:

– Саша приехал?

– Да, ждет меня у дома.

– Так зови его сюда! Заодно и познакомишь нас с ним.

– Потом, – мотнула она головой, – завтра.

Новгородцева еще раз извинилась, попрощалась и заспешила по тропинке. И тут вслед она услышала до боли обидные слова Ксении:

– Вот и спонсор приехал.

– Ксюха! – зло рывкнул на нее Федор. – Рот закрыла! Быстро домой!

Сердце Таисии зашло от обиды. Она замедлила ход, но сдержалась, ничего не ответила и даже не оглянулась.

Еще были слышны упреки Федора в адрес племянницы, но она уже не слышала его слов, а торопливо удалялась от дома Бобровых, желая немедленно забыть обидные намеки той юной девчонки.

Глава 10. Знакомство

Саша стоял у дома и курил. В этот раз он приехал один. Завидев девушку, сразу пошел ей навстречу. А сам с ходу обнял ее, нежно прижал к себе, да так и застыл, давая понять, как сильно он по ней соскучился. Но уловив грусть в ее глазах, осторожно спросил:

– Кто тебя обидел, радость моя?

– Никто не обидел, просто устала, – соврала она, отгоняя обиду прочь.

– А я решил: звонит редко, на звонки отвечает с опозданием, дай, думаю, съезжу и посмотрю, как она там. Может, пора ее отсюда увозить.

– Мы у Шуры ремонт доделали, я тебе говорила. А ты подарки детям привез? – вспомнила Тая.

– Как и обещал. Можем сразу и отнести.

– Нет, потом, – мотнула она головой, понимая, что ни за что не вернется туда прямо сейчас.

Ей совсем не хотелось появляться у дома Шуры именно в тот момент, когда все еще сидели за столом, а главное, что там был Федор.

Они прошли в дом. Таисия предложила другу кофе, но тот отказался, ссылаясь на то, что успел перекусить по дороге.

Александр Викторович стал рассказывать, как он жил эти дни в Москве, что там происходило, и какие новости в офисе.

– Все девчата передавали тебе огромный привет. Они очень хотят, чтобы ты скорее возвращалась в Москву и выходила на работу.

– Саш, – смотрела на него Тая задумчивым взглядом, – если бы ты видел Шуру... Она так изменилась! Стала совсем другая, такая красивая, уверенная. Я боюсь оставлять ее сейчас одну, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул головой мужчина, – но рано или поздно, а возвращаться домой придется.

– Придется, – согласилась она и замолчала.

А на душе было тоскливо и волнительно. Но думала она сейчас не о работе, а о Федоре. Ведь после слов Ксении, он, скорее всего, так и подумал, что Саша ее «спонсор», и что между ними совсем недружеские отношения. И она очень хотела все объяснить и рассказать, и именно ему и никому больше, что этот богатый и интересный олигарх всего лишь ее друг, такой верный и надежный как скала. И ссориться с ним она совсем не желает, потому что это будет нечестно по отношению к Саше. Ведь он для нее столько сделал, не раз выручая в трудную минуту.

Они сидели на веранде. Солнце катилось к закату. А глаза Таисии слипались от усталости.

Александр Викторович пытался разговорить это милое создание, но вскоре понял, что это бесполезная затея, так как она слишком устала и почти уже спала. Он прикрыл ее пледом, встал с дивана и осторожно вышел на улицу...

На следующий день Тая повела его знакомиться с Шурой и ребятами. Но больше всего она хотела похвастаться, как они сделали ремонт. Она занималась этим впервые в жизни и понимала, что красить и клеить обои у них получилось не хуже, чем у настоящих мастеров.

Они шли по селу, Борзунов нес пакеты с подарками, а Тая шагала рядом.

На них обращали внимание, как на красивую и счастливую пару.

Видел их в этот раз и Федор. Он заскочил в палатку, чтобы купить сигареты, и ещё издали увидел необыкновенную парочку. Сначала не придал этому никакого значения, а потом резко

повернул голову и понял, что это москвичка прогуливается у них по селу со своим олигархом. Стараясь не думать о них, Тополь ушел с их пути.

Они подошли к дому Бобровых. Тася толкнула калитку, и та со скрипом полетела в сторону.

И тут, обгоняя друг друга, к ним навстречу бросилась куча ребятишек. Все подбежали, радостно охватив ее своими ручками, и только Настя остановилась перед незнакомым ей дядей и смело спросила:

– Ты кто?

Делать нечего, он медленно опустился на корточки, оставив пакеты в сторону, протянул ребенку руку и сказал:

– Давай знакомиться, я дядя Саша. Можно просто – Саша.

На пороге появилась Шура. Она мило заулыбалась, давая понять, что рада видеть таких дорогих для нее гостей, и стала приглашать их в дом.

Александр Викторович встал, взял пакеты, и они с Тасей подошли ближе. Парочка остановилась у крылечка, и девушка представила:

– Знакомьтесь, Саша и Саша.

– Очень приятно, – радостно отозвалась хозяйка, – проходите в дом, буду чаем вас угощать.

Они вошли на веранду, скинули туфли и медленно пошли по чистому полу. Уже в коридоре мужчина поставил пакеты на тумбочку, а Тая сразу позвала к себе детей:

– А ну, кто хочет получить обновку? Налетай! – весело предложила она и открыла первый пакет.

А сама мгновенно увлеклась ребятишками, ушла с ними в комнату и стала переодевать их в новые одежды.

Кругом валялись вещи, дети визжали от радости, хвастаясь друг перед другом новенькой рубашкой или новенькими джинсами.

Борзунов ходил из комнаты в комнату и не мог поверить, что Тася лично делала этот ремонт. Он высоко оценил ее труд и, покачивая головой, остался доволен конечным результатом.

Шура суежилась у плиты, ей хотелось угостить всех чаем и пирогами, которые она напекла сегодня утром специально к их приходу.

Вскоре Боброва пригласила гостей к столу, а те охотно согласились и прошли за ней на кухню.

Пироги получились отменные. Тая уплетала пирожок и сияла от счастья, поглядывая то на Сашу, то на подружку.

Мужчина не узнавал её. Там в Москве она была самая несчастная, он волновался за нее, переживал и боялся оставить одну. А здесь она жила и светила какой-то необыкновенной радостью и необычным светом.

Девчата стали рассказывать: как делали этот ремонт, как ходили по магазинам, как покупали краску и обои, как ночевали у Таисии, и им было хорошо вместе и весело.

Дети носились по комнатам, а Шура изредка на них покрикивала, но так ласково и тихо, понимая, что по-другому с ними сейчас никак нельзя, и так намаивались без материнской ласки.

– Я ежемесячно отчисляю деньги в благотворительные фонды, – заговорил Александр Викторович и извлек из кармана банковскую карту. – Вот, это вам с детьми на первое время. Тася мне все рассказала про вашу беду и нужду. Здесь достаточно средств, чтобы жить еще долго, пока ты не окрепнешь и не найдешь себе работу.

– А это удобно? – растерялась Боброва, взглянув на подружку.

Но Тая бросилась обнимать Сашу, а сама стала его благодарить:

– Сашка, какой ты молодец! Я тебя обожаю!

Он расплылся в довольной улыбке, а в душе понимал, что для этой девочки он сделает все, о чём только она не попросит.

Новгородцева отстранилась от него, взглянула на Шуру и посоветовала:

– Бери и не бойся.

– Ребят, вы для меня столько сделали! – смотрела на них растерянно женщина. – Мне неудобно, правда... Может, хватит того, что потратили на нас?

– Карточка уже на твое имя, снять деньги можешь только ты, – стал пояснять Саша. – Тут и пин код, и пароль, в общем... пользуйтесь. И как сказал один мой друг: «Кто поможет сиротам, тому и там зачтется!» – указал он глазами вверх.

– Спасибо большое... – стала благодарить Шура и заплакала.

– Ну, что не так? – начала успокаивать ее Тася.

– Вы для меня... такое сотворили... Как отблагодарю... не знаю...

– Вот пирожков нам ещё напечёшь, и мы в расчёте! – шутила Таисия, обнимая её за плечи.

Они еще долго сидели за столом и ели вкусные пирожки. Тая пообещала, что зайдет непременно завтра, и они с Сашей ушли.

Борзунов пробыл в Никулино три дня. Он привез удочки, они вместе ходили на речку и рыбачили, брали с собой детей и Шуру, а еще загорали и купались.

Костя показал рыбные места. Он объяснил, что они часто ходят сюда с дядей Федей, и рыба здесь клюет намного лучше, чем где-либо.

При упоминании его имени, Тася задумчиво отвела взгляд в сторону. Она вспомнила те обидные слова Ксении, которые резанули по самому сердцу, но попыталась отогнать от себя мысли и увлеклась рыбалкой.

В этот раз они поймали несколько маленьких рыбешек и отпустили их. Дети дружно решили, что рыбки должны жить дальше и немного подрасти, а взрослые совсем не возражали.

С рыбалки все возвращались уставшие, но счастливые. Потом вместе пили у Таисии на веранде чай. А ребятня носилась по двору и радовалась жизни.

Поздно вечером Тая и Саша остались одни и вели тихую беседу. Он уговаривал ее уехать, а она задумчиво объясняла:

– Надо еще оградку поставить... Немного Шуру помочь... А то опять может сорваться и запить. Оставлять ее одну сейчас ни в коем случае нельзя, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул в ответ Борзунов.

– Ей сейчас очень нужна моя поддержка.

– Согласен, – вновь отозвался он.

– Поговори с Ивановым, пусть оформит мне за свой счет, хотя бы еще две недели.

– Об этом не волнуйся, – успокаивал ее Александр Викторович, – с работы тебя не уволят.

– Мне самой будет перед девочками неудобно.

– Они знают, что у тебя мама умерла и тетя. Все понимают в каком ты сейчас состоянии.

– Спасибо тебе за все, – ласково протянула девушка и мило улыбнулась.

– Ты только береги себя, – тихо попросил Саша, – одна в доме, я очень переживаю за тебя.

– Меня тут Нина Ильинична навещает каждый день. Шура с ребятами. Я не одна, нас тут много.

– Я рад видеть твои счастливые глаза.

– Мне здесь жить хочется. А в Москве я думала, что лучше умереть, чем жить с таким горем.

– Не говори так никогда, – попросил ее Борзунов, – ты такая молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди. Не надо думать о смерти, всегда думай о жизни.

– Теперь думаю, – радостно смотрела на него Тая.

Глава 11. Пропажа

Наутро Саша уехал. А Таисия, недолго думая, переоделась и пошла на речку. Так захотелось ей искупаться, полежать на молодой зеленой травке и позагорать.

Девушка спустилась к реке, выбрала безлюдное место и бросила пляжную сумку на землю. Там сразу постелила полотенце, скинула свою нарядную тунику, поправила купальник и уверенно пошла в воду.

Легкое течение у берега обдало ее ноги прохладной водой. Она немного постояла и пошла дальше, а сама заходила все глубже и глубже, не оглядываясь назад. Войдя в воду выше пояса, Тася испугалась, там течение было намного сильнее. Она повернулась и медленно пошла обратно. У края еще немного постояла, подставляя солнцу свое личико, а потом решила полежать и немного позагорать на своем махровом полотенце.

Какого же было ее удивление, когда, выйдя на берег, она не обнаружила там своей одежды. Вместе с вещами унесли и её дорогой айфон, благо ключи остались спрятанные у дома под навесом.

Тая походила в расстроенных чувствах, поглядывая то в одну сторону, то в другую, но кругом была тишина. Словно и не подходил сюда никто, будто вещи и телефон сами невидимо испарились. На душе было совсем плохо. Да еще слова Ксении какой день вертелись в ее голове, и она была готова разрыдаться от отчаяния и обиды.

Из-за бугра послышался рев приближающегося мотоцикла, и она заволновалась еще больше. Вдруг это те парни, что пристали к ней у клуба, и что тогда делать? Она тут в одном купальнике, а кругом ни души.

Но на ее счастье это был Ваня. Он восседал сзади водителя – молоденького паренька лет семнадцати, удивленно посматривая в ее сторону. Скорее всего, молодые люди направлялись купаться.

Якимов похлопал товарища по плечу, давая понять, что надо остановиться, а тот покорно согласился и резко притормозил напротив девушки, с ходу заглушив мотор.

– Привет! – поздоровался с ней Иван и спрыгнул с мотоцикла. – Как дела?

В джинсовых бриджах, в сланцах на босу ногу, без рубашки, смуглый и загорелый, он вырос перед ней во весь рост и замер, видя слезы на ее глазах.

– У меня вещи украли... – дрожащим голосом призналась Тася.

– Кто?! – удивился он и осмотрелся по сторонам.

– Не знаю, – пожала она плечами, – я никого не видела.

– Ты посмотри! – возмутился парень. – Вот хулиганье!

– Там еще телефон был, – поспешила сообщить Новгородцева. – Сам сотовый мне не жалко, но номера... Они у меня нигде не записаны. В нем столько важного... Я же в банке работаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.